

АНАСТАСИЯ РОМАНОВА

The illustration depicts a tall, dark building at night, its windows glowing with yellow light. Inside the windows, various silhouettes are visible: a person holding a cigarette, a person holding a baby, a person with a cat, and a person with a telescope. In the foreground, a group of people are walking on a snowy path. A large, bright orange fire is burning in the center of the path. A street lamp stands on the right side of the path. The background is a dark blue sky with white stars.

И ТОЛЬКО СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Романова

И только смерть не разлучит нас

<https://litres.ru/74645123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то на смертном одре Она пришла за мной, чтобы забрать в свой мир, но по какой-то только ей ведомой причине оставила меня в живых, наградив меткой смерти. Теперь я - смерть по контракту, и вне своих студенческих будней я прихожу за теми, кто погиб насильственной смертью, чтобы переправить их на ту сторону. Но я и сама в опасности - тот, кто когда-то причинил мне боль, ходит за мной по пятам, и я боюсь, что скоро и я стану Ее клиентом.

Удастся ли мне использовать свой второй шанс на жизнь или же Она скоро тоже придет за мной?

Анастасия Романова

И только смерть не разлучит нас

Анастасия Романова

И только смерть не разлучит нас

Резко открыв глаза от первых звуков громкой мелодии будильника, я быстро вытащила еле живую руку из-под одеяла и потянулась к телефону, чтобы выключить эту ужасную сирену. Слава богу, у меня никогда не было проблем с пробуждением, но это не мешало мне снова чувствовать себя разбитой.

Перевернувшись на спину, я уставилась в потолок, покрытый чуть пожелтевшей потолочной плиткой плиткой, и вымученно вздохнула. Еще один день полный надежд и разочарований.

Схватив телефон, я посмотрела на экран. Уже первое ноября. И до сих пор ничего. Ни звонка, ни сообщения.

– Неужели в этом городе перестали умирать люди? – с раздражением сказала я, пытаясь заглушить чувство страха, которое щекотало мое горло, заставляя голос дрожать.

Конечно, я была рада спокойному сентябрю, который я смогла полностью посвятить учебе и прогулкам под переменчивую погоду Урала. Еще больше я была рада тихому ок-

тября. Но все же. Это было странно. Такое долгое молчание заставляло меня нервничать еще сильнее, подозревая, что это происходит не с проста.

Я встала с дивана, который в некоторых местах уже значительно просел, оставляя после моего тела огромную вмятину, и подошла к окну.

Хоть октябрь и выдался на удивление теплым для Екатеринбурга, ноябрь решил внести свои коррективы в жизнь избалованных солнцем горожан. Сквозь непробиваемую серую стену облаков едва заметно пробился маленький лучик солнца, желавший осветить утренние улицы. Но темные тучи, словно тяжелые шторы, схватили бедолагу и закрыли ему единственный просвет, через который он мог нести тепло в этот мир.

Я тяжело вздохнула и открыла окно, полной грудью вдыхая осенний аромат. Я очень люблю осень именно за ее прохладу. Душное и веселое лето слишком раздражает меня своим жизнелюбием, особенно когда ты видишь то, что происходит за ширмой этой обманчивой картины.

Осень же наоборот оголяет все недостатки и несовершенство нашего мира, забирая у людей иллюзию на счастье и сталкивая с суровой реальностью. Но именно осенью я всегда чувствую себя живой.

Надев на себя холодную пижаму, я побрела в ванну, чтобы как обычно погрузиться в утреннюю рутину. Чистя зубу, я неотрывно пялилась в одну ничем непримечательную точку

и думала о своем.

Все лето я не могла передохнуть, выполняя свою кропотливую работу. Раз в неделю я получала очередной заказ, который приходилось выполнять, не нарушая правил. Шаг влево, шаг вправо, и очередная несчастная душа навсегда теряет связь с миром. Пока мои одноклассники не жили под ярким солнцем заморских стран, я с пеной у рта бегала за очередным бедолагой, которому посчастливилось попасть в мою папочку.

Мне их не было жаль. Я уже давно потеряла всякую жалость к людям, сделав свою пугающую работу частью повседневности, точно такой же как и чистка зубов. Теперь я хорошо понимаю врачей, которые начинают относиться к своим пациентам словно к бездушным куклам, не испытывая к ним ни капельки сострадания. Просто они исчерпали весь лимит своей человечности и остались наедине с тяжелой правдой жизни.

Что же произошло? Почему мне до сих пор никто не написал? Неужели я свободна?

Я резко встряхнула головой, отгоняя глупую мысль. Только этого мне еще не хватало. Надежда. Самое страшное, что может произойти с человеком. Если дашь слабину и позволишь этому лучику исцеления вцепиться в твое сердце, потом будешь выдирать его с мясом, когда наконец поймешь, насколько ты был глуп.

Закончив с утренними процедурами, я прошла на кухню и

включила чайник. В холодильнике, как всегда, было пусто. У меня не было ни времени, ни сил, чтобы заполнить его хоть какими-то продуктами. Но у моей работы были свои плюсы: хотя бы есть мне хотелось не так часто, да и сна требовалось значительно меньше. Если бы не это, я бы уже давно стала своим собственным клиентом. Хотя, нет, я занимаюсь клиентами другого рода.

Налив себе кипятка, я погрузила в старую облупленную чашку пакетик чая и топила его в воде то тех пор, пока жидкость не приобрела глубокий коричневый цвет. На вкус она была словно какая-то трава, которой меня в детстве поили, чтобы избавить от простуды. Хотя это было не нужно. На мне все быстро заживает. Наверное, она бережет меня. По крайней мере так я себя успокаивала.

Сев на мягкий стул и сделав глоток, я почувствовала, как приятное тепло разливается по всему моему телу, наполняя его жизнью.

Окно моей квартиры выходило на общежитие, и каждое утро я наблюдала за тем, как такие же бедолаги как я суетятся, стараясь успеть на занятия. Я не любила спешить. Я старалась ценить каждое тихое мгновение, которых у меня было не так уж и много.

Посмотрев вниз, я заметила, как на улице уже скопилось несколько групп студентов, пускающих вверх клубы дыма, и о чем-то громко разговаривая. Хорошо, что мне еще досталась квартира, за которую мне не нужно платить. Спасибо

ей! Хотя, если бы не она, может моя жизнь не была бы такой безнадежной.

Допив чашку, я наскоро оделась и причесала свои длинные темно-коричневые волосы и заплела их в две ровные тоненькие косы, которые всегда послушно располагались у меня на груди. Мои одноклассники подшучивали надо мной, сравнивая меня с маленькой девочкой, но мне было все равно. Две косы намного практичнее, чем развивающиеся по ветру волосы. Еще не дай боже они попадут в рот. Не хватало мне подавиться своей собственной шевелюрой.

Схватив рюкзак, я закуталась в теплую зимнюю куртку, натянула на себя утепленные сапоги, напялила на голову шапку так низко, как только было возможно, чтобы она закрывала голые уши, а сверху повязала пушистый шарф.

Подойдя к зеркалу, я довольно улыбнулась. Я была похожа на голубец, завернутый в тяжелые капустные листья. Но мне было наплевать, главное, чтобы было тепло.

Выйдя на улицу и почувствовав на себе дуновение первого ноябрьского ветерка, я сжалась, словно губка, стараясь не растерять чувство тепла и комфорта.

Неуклюже ковыляя, сопротивляясь ветру, я про себя ругалась, как только могла, проклиная эту холодину. Услышав с боку смех, я не стала поворачиваться, и так зная, что они смеялись надо мной.

Многие считали меня странной, чужой, чудачкой, но при этом никто никогда не говорил мне об этом вслух, быть мо-

жет потому, что по рассказам моей подруги, мой ледяной пронизывающий до костей взгляд, мог вытащить душу из человека.

Я негромко усмехнулась. Ведь она всегда попадает в точку.

Я медленно шла по дороге, выложенной брусчаткой, чувствуя, как уже продрогла до костей. К сожалению, эту часть своей работы я ненавидела.

Я никогда не могла согреться. Даже в самый знойный солнечный день под палящим солнцем, мне всегда хотелось закутаться в одеяло и положить у батареи, чтобы прогнать это вечное чувство внутреннего холода. Но, дабы не прослыть еще более чудаковатой, я научилась жить с этим вечным ознобом.

Мой вуз располагался практически в самом центре города и был самым престижным учебным заведением на Урале, поэтому каждое утро мне приходилось буквально протискиваться сквозь нескончаемые плотные потоки молодых людей, стремящихся получить знания. Ну или не знания. Каждому свое.

Наконец, добравшись до места и чуть не потеряв от холода сознание, я дрожащими руками нашарила в кармане пропуск и протянула его вечно недовольной женщине, служившей защитой от нарушителей закона и посягателей на наши детские жизни.

– Здравствуйте! – приветливо поздоровалась я, выдавив

из себя корявую улыбку.

Вечно недовольная женщина подняла на меня свой презрительный взгляд из-под толстых заляпанных очков и, скривив губы, брезгливо взяла кончиками пальцев мой пропуск, словно он был вымазан чем-то отвратительным, и, поняв, что все нормально, бездушно кинула его прямо передо мной, игнорируя мои трясущиеся протянутые к ней руки.

– Спасибо, – все так же учтиво улыбнулась я, думая, не дай боже однажды я приду и по ее душу, вот она обрадуется.

Сняв всю свою броню, я прошла на четвертый этаж, где уже собралась добрая часть моей группы, подпирая дверь кабинета в ожидании преподавателя.

– Привет, Женья! – улыбнулась Аня, взмахнув рукой, – ты сегодня рановато.

– Ага, – пробубнила я, – бежала сюда, словно пробегала марафон, лишь бы не умереть от холода.

Аня громко засмеялась, чем потревожила полуспящих одnogруппников, заслужив недовольное фырканье в свой адрес.

– Еще только начало ноября, – улыбнулась она, – а ты уже пришла закутанная с ног до головы, – она внимательно осмотрела меня, оценивая степень утомлённости.

– Не важно, – буркнула я и еще сильнее закуталась в длинный кардиган.

Я уже начала выходить из себя из-за нескончаемого потока слов, выливающих из жизнерадостной Анны, как вдруг

на горизонте наконец-то появился наш преподаватель, суровая и вечно недовольная Валентина Сергеевна. В этом городе что нет счастливых людей?

Большую часть своей жизни она проработала в университете, поэтому упивалась своей мнимой властью над бедными неокрепшими умами, задавая порой непосильный объем домашней работы.

Но мне было все равно. Еще одним плюсом моей работы была способность к языкам. Ко всем языкам. Я с легкостью могла разговаривать на любом языке мира, но, конечно, о моей этой удивительной способности никто не знал.

Запустив нас в аудиторию, она с недовольным видом села за стол и начала сетовать на то, каким ужасным выдалось начало ноября, и как ей уже надоели эти вездесущие студенты, которые еще ничего не понимают в этой жизни.

С последним ее заключением я была полностью согласна. Только я бы заменила слово студенты на люди, которые вызвали у меня все больше раздражения.

Закончив свои недолгий монолог, она начала спрашивать домашнее задание, чем заставила доброю половину группы съежиться в маленькие незаметные комочки. Лишь я сидела все с таким же непроницательным лицом и вечной нескончаемой усталостью во взгляде.

Я училась на втором курсе на кафедре иностранных языков и в будущем должна была стать переводчиком. Но я сомневаюсь, что будущее вообще существует. Поэтому я ни на

что не надеялась и ни во что особо не верила, только может в сегодняшний день, да и то достаточно безрадостно.

Валентина Сергеевна вызвала меня к доске, и я, нехотя, поднялась со своего места и, словно призрак, проплыла к ее столу. Задав мне несколько вопросов на английском языке, она недовольно искривила губы, как только я безошибочно ответила на все ее вопросы. Тогда, выждав паузу, она начала свою атаку.

– Милочка, а вы уверены, что в речи следует использовать сленг? Это же так неаристократично? – сказала она, поправив огромные окуляры у себя на носу.

– А вы полагаете, что мы до сих пор живем в девятнадцатом веке, что должны использовать только правильный королевский английский? – я вопросительно посмотрела на нее, следя за ее реакцией, – с чего вы взяли, что сами обладаете произношением королевы и огромным словарным запасом?

Я понимала, что перехожу черту, но уже не могла остановиться. Она завидовала мне, ненавидела меня, поэтому не упускала ни единой возможности придраться к моим знаниям.

– Вы почему себе позволяете так со мной разговаривать? – лицо Валентины Сергеевны приобрело пурпурный оттенок, – я вас сейчас же выгоню из класса и больше никогда не пущу к себе на занятия!

– Ну, в этом я сильно сомневаюсь, – небрежно бросила я, направляясь к своему месту, – запретить мне посещать заня-

тия может только деканат. Но мы с вами прекрасно знаем, что он этого не сделает, ведь так? – я плюхнулась на место и откинулась на спинку стула, ожидая ее реакции.

– Если вы считаете, что ваша протекция в деканате будет вечной, то вы ошибаетесь. Я сегодня же сообщу о вашем поведении декану, и он примет самые суровые меры в отношении вас, – Валентина Сергеевна соскочила с места и бросилась вон из класса прямо в деканат.

В классе поднялось улюлюкание. Все с восхищением смотрели на меня, а я не чувствовала ничего такого, что могло бы вызвать у меня чувство гордости. Я просто поставила на место наглую училку, которая так любила самовыражаться за счет других.

– Даешь, – с улыбкой протянула Аня, – не страшно?

Я отрицательно покачала головой и легла на парту, подложив под себя руки, укутанные в мягкий приятный кардиган.

Это была не первая ситуация, и я отлично знала, чем она закончится. Через несколько минут разъяренная Валентина Сергеевна влетит обратно в класс и со слюной у рта будет орать о том, чтобы я немедленно спустилась вниз в деканат. Я как обычно соберу свои вещи и пойду знакомой дорогой в направлении многолюдного коридора, где возле заветной двери будут толпиться студенты в ожидании своей очереди.

Меня, как важную персону, вызовут лично и вне очереди, и я буду несколько минут слушать речь декана о том, что нужно уважать педагогов, не вступать с ними в конфронта-

цию, и, вообще, вести себя более скромно. Но прямо в середине его монолога ему принесут факс от ректора, в котором будет говориться, что никаких нареканий в мой адрес быть не должно, и чтобы меня немедленно отпустили, сделав всего лишь небольшой выговор.

Эта ситуация повторялась с некой периодичностью, поэтому с каждым подобным случаем речь декана становилась все короче, а наши встречи все реже. Ведь зачем тратить драгоценное время на то, чей конец и так уже был предопределен?

Поэтому я спокойно лежала на парте, как вдруг я почувствовало то, от чего у меня внутри все переворачивалось. Этот необъяснимый ужас, внутренний холод, который тысячами маленьких назойливых мошек разрывал меня изнутри. Губы тут же высохли, а во рту появился солоноватый привкус. Я резко поднялась и начала шарить в сумке в поисках телефона. Руки начало трясти, а голова закружилась. Я тут же почувствовала тошноту.

– Ты в порядке? – взволнованно спросила Аня, глядя на мое побелевшее лицо, – опять приступ? Ты пьешь таблетки?

– Да, – коротко бросила я, наконец-то нащупав долгожданный кирпич, – все нормально.

Все вокруг думали, что я больна, поэтому у меня случались частые приступы, и я отсутствовала на занятиях неделями. Все думали и жалели.

Достав телефон, я уставилась в экран, на котором уже све-

тилось столь недолгожданное сообщение:

« Просим вас прийти в библиотеку и закрыть свой долг»,
– коротко гласила бездушная СМСка.

Я трясущимися руками запихнула все свои вещи в рюкзак.

– Ты уже уходишь? – растерянно спросила Аня, поднимаясь с места.

– Да, – снова коротко кинула я, стараясь не трястись, как осиновый лист, – заскочу сама в деканат, а потом к медику. Пусть выпишет мне лекарства.

Не дождавшись ее ответа, я пулей вылетела наружу и побежала по пустым коридорам, создавая тихий гул от своих тяжелых шагов.

Я всем сердцем ненавидела это чувство. Каждый раз, когда появлялась очередная работа, меня вызывали таким образом, напоминая, что мое тело мне не принадлежит.

Я злюсь на себя, на них, на нее, на весь мир за то, что никто не может оставить меня в покое.

Спускаясь вниз по лестнице, я наткнулась на Валентину Сергеевну, которая схватила меня за руку.

– Куда это ты, милочка? А, в деканат? – чуть ли не брызжа слюной, сказала она.

Я как можно быстрее отодвинулась от нее, чтобы ее ротовые испражнения не попали на мою одежду.

– Зачем ждать, когда меня вызовут? – ответила я, вырвав руку из ее хватки, – лучше я прямо сейчас спущусь к ним,

заодно избавлю вас от своей неприятной компании.

Я вымученно улыбнулась и побежала вниз. Конечно, деканат был последним, о чем я могла сейчас думать. Забрав вещи из раздевалки, я едва накинула их на себя и выбежала на улицу, направившись в сторону городской библиотеки.

Она находилась не так уж и далеко, и я была рада, что мне не придется долго испытывать это отвратительное ощущение.

Библиотека была поистине величественной, построенной в каком-то классическом стиле с большими подпирающими крышу колоннами и мраморными лестницами, словно ведущими в мавзолей.

Влетев во внутрь, я скинула с себя одежду прямо на стол перед гардеробщицей, совершенно забыв о приличии, и даже не поздоровалась с дружелюбной женщиной. Она понимающе улыбнулась и, забрав мою одежду, выдала мне долгожданный номерок.

Я взбежала по мраморным ступенькам прямо на третий этаж, совершенно не почувствовав никакой усталости, и, пробежав пол здания, наконец добежала до нужной двери.

«Архив».

Красные буквы на черной табличке знаменовали что-то поистине пугающее, я своими трясущимися руками схватилась за ледяную ручку и слишком резко повернула ее вниз, почувствовав, как механизм издал вымученный щелчок.

В зале было слишком тихо. Огромные стеллажи книг и

документов бесконечностью тянулись через всю комнату. Большие незанавешенные окна впускали в зал столько света, сколько было возможно в этот пасмурный день.

На секунду замерев, я несмело пошла знакомой дорогой прямо вглубь зала. В центре всего этого книжного царства стоял массивный деревянный стол, выполненный из дорогой древесины, больше напоминавший столы, украшающие кабинеты правителей империй прошлых веков.

Подойдя поближе, я замерла. За столом никого не было, только стоящие в углу часы издавали едва слышные звуки стрелок, отмеряющих неудержимо летящее время. Привстав на носочки, я решила заглянуть через стол, чтобы убедиться, что там никого нет. Но как только я приподнялась на несколько сантиметров выше, из-за дальнего стеллажа показался человек, появление которого я так боялась.

На его бейдже всегда красовалось гордое имя Мстислав Андреевич, но что-то мне всегда подсказывало, что это не его настоящее имя. Я его называла просто библиотекарь. Он был мужчиной лет шестидесяти с седыми короткими волосами, которые непослушно обрамляли его исхудавшее костлявое лицо, в центре которого расположился тонкий горбатый нос, делавший его похожим на Кощея.

Когда я увидела его в первый раз, меня пробила дрожь, словно он был каким-то ненастоящим человеком, а скорее персонажем, пришедшим из какой-то неведомой мне сказки.

Он всегда был одет аккуратно, с иголочки. В черном ко-

стюме с черным галстуком, туго завязанным на его морщинистой шее. Рубашка всегда была идеально выглаженной, а воротник доходил до самого горла, и мне иногда казалось, что он его вот-вот задушит. Передвигался он неспешно, даже тяжело, поэтому часто носил с собой трость, чьи удары по вычищенному полу эхом отдавались от книжных стеллажей.

– Доброе утро! – радостно сказал он, хотя от его голоса мне стало еще хуже, – день только начался, а вы уже наделали шуму.

Я виновато улыбнулась, чувствуя на себе его тяжелый излучающий взгляд. Мне тут же захотелось исчезнуть, испариться, лишь бы сбежать от его внимательных глаз, следивших за каждым моим движением.

– Она сама виновата, – только и смогла сказать я, глядя себе под ноги.

– Знаю, – коротко ответил он, причмокивая тонкими высушенными губами, – но постарайтесь держать себя в руках в следующий раз.

Я молчаливо кивнула и подняла на него несмелый взгляд.

– Я думала, вы про меня забыли, – почти шепотом пробурчала я.

– Ни в коем случае, – снова улыбнулся он и полез куда-то под стол, достав оттуда толстую папку, – просто решили дать вам небольшой отпуск, чтобы вы адаптировались к учебе.

– Спасибо, – не слишком дружелюбно поблагодарила я.

Уловив в моем голосе недовольство, он лишь издал ко-

роткий смешок и положил передо мной папку ярко-желтого, почти ядовитого цвета с моим именем на форзаце. Вверху скрепкой была прикреплена фотография молодой улыбающийся девушки лет девятнадцати. Я аккуратно взяла папку, вертя ее в руках, словно проверяя, нет ли в ней чего секретного. В этот раз она была значительно тоньше остальных.

Я внимательно посмотрела на девушку и замерла.

– Опять молодая, – только и смогла выдавить я, вглядываясь в ее радостное лицо, наполненное мимолетным счастьем.

– В нашей работе возраст совершенно не важен, – спокойно сказал библиотекарь, взяв со стола очки, и разглядывая лежащие перед ним папки, – срок как обычно – сутки. Второго ноября ее нужно будет забрать и переправить на ту сторону.

Я все еще не могла оторваться от незнакомого мне лица. Почувствовав на себе пристальный взгляд, я резко подняла глаза и встретила с бледными полупустыми зрачками. Не желая оставаться, я быстро сунула папку в рюкзак и развернулась, готовая бежать вон.

– И, Евгения, – спокойно окликнул ее он, – в следующий раз постарайтесь вести себя более сдержанно с людьми. Они ведь не виноваты, что существуют.

Он даже не поднял на нее взгляд, когда последняя фраза, словно ядовитый дротик, полетела в мою сторону.

Не попрощавшись, я вышла из комнаты, резко хлопнув дверью, надеясь, что последствия не настигнут меня. Быстро

спутившись вниз, я быстрыми шагами дошла до раздевалки и в этот раз улыбнулась гардеробщице, извинившись за свою грубость.

– Давно вас не было видно, – приветливо улыбнулась она, передавая мне одежду, – отдыхали?

– Да, – замялась я, – пыталась привыкнуть к новому расписанию.

– Понимаю. Удачи вам, – улыбнулась она и радостно помахала рукой.

Я снова укуталась, как капуста, и, как можно глубже зарыв подбородок в высокий шарф, вышла на улицу, чувствуя, как мое хрупкое тело пронзает ноябрьский ветер.

Ну что ж, вот и снова настал тот день, которого я так пыталась избежать. Меня снова вызвали, и, к сожалению, это никогда не кончится.

Позвольте представиться – я смерть по контракту. Да, вы не ослышались, смерть по контракту. Не та старуха с косой, которая по привычным представлениям всего человечества приходит в предсмертный час и машет своим огромным инструментом, как умалишенная, собирая с земли души людей.

Я обычная девушка, рядовой солдат, нанятый когда-то самой смертью на бессрочный контракт, взамен на который я получила долгую, практически шикарную жизнь, если не считать то, что почти каждый божий день я капаюсь в человеческой грязи, видя то, что хотела бы забыть.

Я не просто смерть, я смерть, занимающаяся насильствен-

ной кончиной. Если по-простому, людьми, которые погибли не по своей воле, а к смерти которых кто-то приложил свою мясистую живую руку.

Я медленно шла по улице, наблюдая, как вокруг меня течет жизнь, несмотря на совершенно нежизнерадостную погоду. Люди куда-то торопились, общались, мечтали, совершенно не чувствуя, что возможно рядом с ними сейчас идет та, кто когда-нибудь переведет их в мир иной.

Как это случилось? Я уже и не помню. Точнее, это воспоминание сохранилось внутри меня, напоминая о том, что я себе не принадлежу. Когда-то в детстве меня сбила машина, и мое переломанное тело доставили в больницу.

Я смутно помню масочные лица, которые склонялись надо мной, размываясь перед глазами, словно они были нарисованными картинками, которые кто-то обильно смочил водой, нарушив высохший рисунок. Кто-то кричал, меня куда-то тащили, что-то вкалывали, но ничего из этого не перебило ту боль, которую испытывало мое тело после встречи с несущимся на полной скорости автомобилем.

Моя жизнь перед глазами то гасла, то снова наполнялась цветом. До тех пор, пока перед глазами не появилась она. Я не видела лица, да и у нее наверное его и нет, только черное одеяние, развивающееся на несуществующем ветру.

Я еле приоткрыла веки, когда она склонилась надо мной и провела своими длинными холодными пальцами по моему лицу, оставляя на нем след от морозного утреннего дыхания.

Приблизившись к мне, она что-то прошептала надо мной, и тело пронзила острая боль.

Больше я ничего не помню. Мир погас тогда, как мне казалось, навсегда, и я уже внутренне смирилась со своим концом. Но через несколько дней мой фильм продолжил бежать по киноплёнке.

Я открыла глаза и поняла, что все еще жива. Врачи были поражены, насколько быстро восстановилось мое тело без каких-либо серьезных последствий, и, когда меня выписали из больницы, все уже уверовали в божественные чудеса, которые вернули полумертвую девочку на этот свет.

Резкая морось обрушила небесные капли на мое лицо, и, сморщившись от недовольства, я ускорила шаг, чтобы как можно скорее добраться до моей кофейни, где я любила забиться в самый дальний угол и внимательно рассматривать дело, которое мне приготовили в этот раз.

Как и всегда в это время дня в ней было немногочисленно. Поэтому, улыбнувшись знакомому бариста, я спешно последовала к своему излюбленному месту в конце зала возле окна и включила небольшую лампу, подвешенную над уютным мягким креслом.

Скинув с себя верхнюю одежду, я вытащила папку и кинула ее перед собой, чувствуя, как растет мое раздражение. Я не испытывала любви к своей работе, даже наоборот, я ее ненавидела всем своим сердцем.

Может кто-то и скажет, что это небольшая плата за мою

спасенную жизнь, но, если бы они знали, что мне приходится видеть, они бы засунули эти слова себе обратно в глотку.

Я гневно плюхнулась на кресло и откинулась на мягкую спинку, сверля папку злым взглядом, словно она в чем-то провинилась. Мне не терпелось ее открыть, но я знала, что это обманчивое чувство. Каждый раз, когда я поддаюсь секундному порыву и начинаю прочитывать дело очередного моего подопечного, мной завладевает чувство отчаяния, и я начинаю терять веру в этот мир, чувствуя, как уходит почва у меня из-под ног.

Мне всегда попадались тяжелые случаи, и иногда в самом начале я неделями сидела дома, оплакивая судьбу моих несчастных клиентов, чьи жизни оборвались по вине тех, за чьими головами я бы с удовольствием пришла, и не одна.

Но Она никогда не приходит за ними сама. Быть может потому, что у нее слишком много работы, а быть может ей и самой жалко жизни тех, по чью душу она приходит. Я видела ее только один раз, но и одного мне вполне хватило, чтобы понять, во что я была втянута.

Ядовитая папка лежала на приятной скатерти и словно выплескивала яд, отравляя все вокруг. Имя красными буквами расплывалось по плотному картону. Небольшая фотография улыбающейся девушки словно тонула на фоне ярко-желтого и красного, будто ощущала свой скорый конец.

– Вы сегодня рано, – дружелюбно сказал бариста, поднося мне мой любимый напиток, – снова сбежали с пар?

Его приятная улыбка заставила меня немного расслабиться, и я с благодарностью вцепилась в только что принесенную кружку с горячим напитком.

– Можно сказать, что у меня больничный, – устало улыбнулась я, вдыхая аромат только что сваренного кофе, – придется пропустить пару дней и заняться здоровьем.

– Неудивительно, – улыбнулся он, – в такую погоду легко простудиться.

Он был приятной наружности с мягким успокаивающим голосом. Всегда обходителен, глядел на всех согревающим взглядом, он всегда знал, какой напиток пьют его постоянные клиенты, ведь он работал тут практически без выходных. На его чистой одежде красовался бейджик с именем Евгений, и мне всегда казалось это совпадение смешным и до ужаса саркастичным, словно сама судьба играла со мной, втягивая в только ей известную игру.

Женя был невысокого роста, худого телосложения, но это не мешало ему иметь сильные руки, на которых были видны весьма заметные мышцы. Он часто коротко стриг волосы, что иногда вызывало у меня удивление, когда я заходила в кафе и видела очередную короткую стрижку. Я не любитель короткостриженных, но даже это не портило мое общее впечатление о нем.

Он был приятный в общении и очень эмпатичный, замечая любые изменения в настроении окружающих.

– Очередной проект? – любопытно просил он, кивнув в

сторону папки.

– Ничего особенного, – быстро ответила я, поставив чашку поверх фотографии, чтобы он не успел ее разглядеть, – просто очередная подработка, – улыбнувшись, сказала я, мечтая о том, чтобы он поскорее скрылся.

Видимо, почувствовав мое раздражение, он улыбнулся и направился за свою стойку, изредка кидая в мою сторону любопытный взгляд. Он часто наблюдал за мной, но мне меньше всего хотелось обращать внимание на такие мелочи, ведь вся моя концентрация всегда была сфокусирована на том, что лежало передо мной.

Наконец, я протянула руку и коснулась края папки, стаскивая с него резинку, которая плотно стягивала содержимое.

Ничего особенного. Оксана Дмитриева, девятнадцать лет, учится в колледже на дизайнера, дата смерти второе ноября. Дальше были какие-то заметки о ее жизни, информация о родителях, но ни слова о ее смерти.

В этом заключается основной парадокс моей работы, я знаю о человеке все: в чем он спит, что он ест, о чем мечтает; но как именно оборвется его жизнь, мне знать не дано. Как будто это какая-то глупая жестокая лотерея, делающая темную, мрачную жизнь смерти еще мрачнее.

Спустя пол часа, я понимаю, что кофе окончательно остыл, поэтому, сделав последний глоток мерзкой еле теплой жидкости, я собираю все заметки обратно в папку и засовываю ее обратно в сумку.

Очередная неделя пройдет, как в тумане. Может после этого дела мне снова удастся отдохнуть хотя бы несколько недель. Я молча сижу и пристально гляжу в окно, прижав к себе свою куртку. Морозящий дождь со снегом бьет в стекло, еле касаясь гладкой поверхности, будто боясь разбить, и я с тяжестью в душе понимаю, что мне придется выйти наружу под этот марш мерзкого ноябрьского водопада.

Надев на себя куртку, я как следует укутываюсь и иду домой. Время еще достаточно мало, поэтому улицы пусты, только кое-где можно встретить еле идущих бабушек, по-видимому, приехавших после поликлиник, где они провели часы в очереди, ожидая приема к врачу, который в очередной раз не сказал им ничего утешительного.

Иногда я невольно задаюсь вопросом, а справедлива ли жизнь. Мне на встречу идут пожилые женщины и мужчины преклонных лет, которые возможно отжили уже самые лучшие моменты своей жизни, а сейчас вынуждены заканчивать свой век, ожидая худшего. А в сумке у меня лежит папка молодой девчушки, чья жизнь еще могла бы расстелиться прекрасным цветным покрывалом, проводя ее через тысячи хитросплетений судьбы. Но нет. Ей осталось совсем немного. Через какие-то часы я вырву ее из лап этого мира и передам в другой. А вырву ли? Нужна ли она этому миру, если он так легко ее отпускает? Я не знаю. И уже потеряла все надежды узнать.

Добравшись, наконец, до подъезда, я ковыряюсь в сумке

в поисках ключей, но связка, издавая громкие звуки, никак не хочется мне показываться. Выругавшись, я опустила сумку вниз и как следует встряхнула. В последний раз засунув руку словно в кроличью нору, я с облегчением достаю один маленький ключик в обрамлении десятка разных брелоков.

Может я и темный жнец, но и в моей жизни должны быть яркие безделушки. Бренча всеми цепочками, я открываю домофон и захожу в подъезд, стряхивая с капюшона скопившиеся на нем капли холодного дождя вперемишку со снежинками.

Зайдя в квартиру, я услышала все тот же оглушительный звук тишины, враждебно встречающий меня каждый божий день. Я всегда хотела завести собаку, но разве я могу? С таким-то графиком. Вряд ли.

Скинув с себя одежду, я просто бросила ее на пол, не беспокоя себя лишними телодвижениями, и направилась в ванну. Мне просто необходим горячий душ. Кто знает, когда я смогу принять его в следующий раз.

Я с трепетом в сердце наслаждалась каплями горячей воды, стекающими по моим спутанным волосам прямо к ледяным от холода ногам. Если честно, горячий душ и кофе – это то немногое, что радует меня в жизни. Жаль, что этого так мало.

Укутавшись в теплое махровое полотенце, я прошла в комнату и начала накидывать на кровать одеяло за одеялом, чтобы сделать мое отсутствие как можно более комфортным.

Проверив, что все окна плотно закрыты, а батареи неистово греют, я переоделась в теплую пижаму и села на край кровати.

Понимаете, не так-то просто быть смертью. Нужно соблюдать определенные правила. И одно из них, я не могу быть смертью в физическом теле, что вполне логично, не так ли? Но это не все. Если бы моя работа занимала у меня всего пару часов, это еще куда не шло, но нет, она может тянуться днями.

Прежде чем забрать душу человека, я должна следить за ним, смотреть, чем он занимается, о чем думает, попытаться угадать, каким будет его конец, а самое главное – не пропустить этот момент, иначе душа может застрять на земле.

Ведь людям всегда страшно умирать, особенно тем, кто умирает не своей смертью. Чтобы душа не была напугана, такие как я встречают ее на выходе и помогают принять то положение дел, которое уже никак нельзя исправить. Поэтому, как только я получаю свое очередное дело, я ложусь в кровать и отключаю свое физическое тело, полностью перестав существовать в этом мире. Я перебираюсь в тонкий мир и проживаю все вместе с моим клиентом.

Звучит не очень, не так ли? На самом деле, кто-то может подумать, вау, это же как отпуск, спи себе, ни о чем не думай. Но это вовсе не так. Каждый раз, закончив очередное дежурство и уложив человека спать навсегда, я возвращаюсь в свое тело и чувствую себя совершенно разбитой, и за остав-

шиеся несколько часов я пытаюсь вернуться к жизни, чтобы прожить очередной трудный день, следуя как тень за своей жертвой.

Хорошо, что в универе меня прикрывают, иначе с таким расписанием моя человеческая жизнь подошла бы к концу. Хотя иногда я спрашиваю себя, а живу ли я вообще? Наверное живу, только не очень.

Я легла в постель и закуталась во все предложенные мне одеяла. Глядя в потолок, я тяжело вздохнула и закрыла глаза, передавая себя ей в руки на сохранение.

Оксана, 19 лет

Мое тело стало легким, как перышко, я почувствовала, как легкое невесомое касание проникло в мое тело и резко выдернуло меня наружу. Я сделала глубокий вдох и открыла глаза.

Я сидела на кровати, чувствуя легкость и невесомость. Моего тела больше не существовало, а вместо тяжелых органов и всего, что только есть внутри человека, пустота и покой. Приятное чувство, если не считать, что я мертва.

Я обернулась и посмотрела на свое мирно спящее тело. Хотя мирно спящее не совсем уместное слово, если учесть, что я еле жива. Со стороны я казалась такой безмятежной, такой счастливой, легкой, и я порадовалась, что хотя бы иногда мне удастся побыть в невесомости.

Спустив ноги вниз, я медленно поднялась, привыкая к

легкости во всем теле. Вытянув руки вверх, я интуитивно захотела потянуться, но мышц не было, поэтому я не почувствовала совершенно ничего.

Подойдя к зеркалу, я увидела легкие очертания своего отражения. Все то же лицо, что было утром, только с некоторыми изменениями. Волосы заплетены в тугие косы, аккуратно лежащие на груди, все так же как и утром. Высокие черные сапоги доходили до колена и плавно скрывались под подолом черного платья, горло которого плотно прилегало к шее. Поверх платья был надет длинный плащ с капюшоном, глубокого винного цвета.

Когда я увидела его впервые, то мне стало не по себе. Я была похожа на косплейщицу красной шапочки, а не на смерть. Но мой первый библиотекарь посмеялся надо мной.

– А ты надеялась увидеть черный плащ? – с ухмылкой спросил он, и я кивнула в знак согласия, – может еще тяжёлую деревенскую косу?

Заметив замешательство на моем лице, он посмотрел на меня настолько снисходительно, насколько было в его силах и спокойно сказал.

– Все, что мы знаем о смерти, совершенно не соотносится с действительностью. Никто на самом деле не знает, как она выглядит.

– Даже вы? – скептически спросила я.

– Даже я. Я такой же человек, как и ты, просто с особенностями, – он улыбнулся и поправил мой капюшон, – эта одеж-

да лишь для того, чтобы душа не пугалась тебя, но и воспринимала тебя всерьез.

Мне тяжело было привыкнуть к своему виду, но когда я впервые вытащила из человека душу, то поняла, насколько сильно он для меня важен. Эти первые минуты страха, растерянности, непонимания не описать ничем. И если в этот момент не окажется кого-то, кто хоть чуть-чуть будет напоминать человека, то душа потеряется и больше никогда не сможет оправиться от травмы. Что бы вы не думали, а у душ тоже есть чувства.

Подойдя к столу, я открыла папу и посмотрела расписание. Занятия Оксаны еще не закончились, поэтому я решила подождать ее возле колледжа. Закрыв глаза, я представила, как мое тело перемещается по информационным волнам, словно по метро, и тут же оказалась в нужном месте.

Колледж находился в самом центре города не далеко от набережной, популярного места среди жителей города. На улице уже было достаточно многолюдно, и я радовалась тому, что час пик еще не наступил, и мне не придется высматривать своего клиента в толпе.

Я скромно встала на углу, наблюдая, как из колледжа выходят студенты. Мне всегда нравилось смотреть за людьми издали, замечая их настроения, их чувства и эмоции, морщинами отмечающимися на их лицах. Я не хотела заходить вовнутрь, не хотела знакомиться с ней на парах я хотела увидеть ее вживую в простой обычной обстановке. Ведь только

так я могла понять, какая душа стоит передо мной.

Наблюдая за беззаботным потоком людей, я вдруг замерла. Мир на секунду остановился. Я почувствовала. Ее. Это как любовь с первого взгляда, когда ток резко проходит по всему твоему телу, и тебе не нужно оборачиваться по сторонам, ведь ты знаешь, что она уже здесь. В этот момент весь мир словно замирает, а другие перестают существовать, и ты не видишь ничего кроме нее. Ее одной.

Дверь в колледж отворилась, и из нее вышла небольшая группа девушек, в которой и была она. Я не обращала внимания на ее подруг, только на нее. Наши души словно связались в тугой красный узел, не давая мне потерять ее из виду.

Я осторожно пошла за ними, не замечая ничего вокруг. Оксана была одета в слишком легкое для ноября пальто, чем заставила меня поежиться, вспоминая о том, что у моего физического я непереносимость к холоду. Она была маленького роста, хрупкая, словно фарфоровая куколка, с тонкими как спички ногами и волосами до плеч.

Ее звонкий смех смешивался со смехом ее подруг, но для меня он был особенный. Только я могла слышать в нем пародию на радость, которую она так старалась изобразить. Поравнявшись с ней, я осторожно задела ее за плечо, и она тут же замолчала, уставившись куда-то себе под ноги.

Она меня почувствовала. Ее душа поняла, что я тут, и испугалась. Так всегда бывает. Души всегда нас видят и чувствуют, просто они не могут обмануть то серое вещество, ко-

торое отвечает за логику и отрицание всего сверхъестественного.

Какое-то время Оксана шла молча, уставившись стеклянными глазами на дорогу, а я спокойно шла рядом, заглядывая ей в лицо. Ее карие глаза словно заволокло туманом, а губы стали такими тонкими, словно тоненькая ниточка.

Я не любила этот момент знакомств, но он бы необходим, ведь только так я смогу подготовить душу и познакомить ее с собой. Только так я смогу облегчить ее уход.

– Ты че замолола, Окси? – спросила одна из ее подруг, дергая Оксану за рукав, – опять думаешь о своем Сашеньке? – она надула губки и начала передразнивать манеру речи моей подопечной, когда та говорила о своем парне.

Девочки вокруг засмеялись, а Оксана покраснела от стыда.

Они с Сашей встречались с пятнадцати лет, и она искренне, как-то по-детски берегла эти отношения, веря в их счастливый исход. Поэтому каждый раз, когда она говорила о Саше, ее голос менялся, речь становилась наивной и даже глупой, но мысли о нем всегда согревали ее, даже в самую холодную погоду.

– Мне как раз нужно ему позвонить! – опомнилась она, шаря в сумке в поисках телефона, – он обещал, что мы встретимся сегодня.

– Забудь о нем! – повысив голос, сказала одна из девушек, – он не стоит твоего внимания. Он вообще игнорирует тебя

неделями. Как ты вообще это терпишь?

– Не говори так, – отчаянно пробубнила Оксана, – ты ведь его совсем не знаешь, – на глазах у нее заблестели подкатившие слезы.

– А ты разве знаешь? – не унималась девушка, и мне очень захотелось толкнуть ее, чтобы та не причиняла Оксане боль своими резкими словами, поэтому я вытянула вперед ногу, и девушка запнулась о невидимое препятствие и чуть не улетела вперед.

Посмеявшись, я с удовольствием лицезрела, как лицо злодейки наливается краснотой, и от стыда она замолкает.

– Ладно, девчонки, я побежала. До завтра! – Оксана махнула рукой и быстро побежала к автобусу, успев заскочить на последнюю ступеньку, прежде чем двери за ней закрылись.

Она прижалась к двери и громко выдохнула, пытаясь прогнать охватившее ее раздражение. Ей никогда не нравилось, когда про Сашу говорили плохо. Ведь он был ее самым родным человеком, о нем она думала практически не переставая, и с ним она связала свое будущее.

Приобняв себя одной рукой, она вытащила из кармана телефон и с улыбкой начала набирать Саше очередное сообщение. Я неспеша заглянула к ней в аппарат, стараясь не касаться ее, чтобы не спугнуть. Последнее ее сообщение так и остались непрочитанными, хотя абонент был в сети несколько раз.

– Козел! – прошипела я, понимая, что подруга Оксаны ви-

димо не зря его невзлюбила.

Набрав очередное сообщение, Оксана быстро села на освободившееся место и мечтательно смотрела в окно. Я села напротив, можно сказать, всела в какого-то мужчину средних лет, но он почувствовал лишь небольшой озноб, списав его на простуду.

Я наблюдала за Оксаной, неотрывно следя за каждым ее движением, каждой складочкой на ее лице, каждым вздохом, проникая в ее мысли. Она переживала из-за Саши, из-за того, что он постоянно пропадает, и боялась, а не завел ли он другую. Но при этой мысли она тут же вздрогнула, и в этот момент на ее телефон пришло долгожданное сообщение.

Я не стала смотреть, что там было написано. Я осторожно прикоснулась к ее руке, и Оксана резко подняла взгляд, подозрительно посмотрев на мужчину напротив. Но тот лишь недовольно скривил губы и отвернулся в сторону.

Я прочитала ее мысли. Саша предложил ей встретиться сегодня на их месте часа через два, и Оксана радовалась, что еще успеет заскочить домой и переодеться. Она написала еще несколько сообщений, но те остались без ответа.

Тогда Оксана убрала телефон в карман и, скрестив руки на груди, уставилась в окно, вспоминая их отношения с Сашей.

Они никогда не были слишком легкими, зато были такими романтичными, как в лучших любовных фильмах. Сначала Саша встречал Оксану после школы и дарил сорванные

с клумбы цветы. Потом они ночами гуляли, держась за руки и думая о будущем, а затем Сашу забрали в армию, а Оксана терпеливо и преданно его ждала. И дождалась. А потом все начало меняться. Саша начал пропадать, заниматься какими-то темными делами и не отвечал на звонки по несколько дней, а то и неделю, заставляя ее верить в самое плохое.

Но она не сдавалась и внушала себе, что это всего лишь временные трудности, что он все так же любит ее и старается ради их будущего. Но ее родители скептически относились к этой любви, стараясь уговорить девушку бросить это недо-разумение. Но она всегда со всей стойкостью отстаивала его честь, не давая родителям говорить про него то, чего они не знают. Да и как они вообще могли знать? Ведь Саша никогда не хотел с ними знакомиться. Он всеми силами избегал этого момента, ссылаясь на разные причины.

Видя, как иногда страдает дочь, мама Оксаны в тайне надеялась, что однажды дочь все поймет и выйдет из этих отношений. А пока этого не случилось, им придется притворяться, что они приняли такой странный выбор любимой дочки.

Доехав до своей остановки, Оксана бодро подскочила с места и понеслась к выходу, чуть не сбив стоящую в дверях бабушку, за что старушка наградила ее матерным словом в спину. От неловкости Оксана поежилась, но отвечать не стала.

Она всегда была послушной и воспитанной девочкой, многие даже говорили, что скорее ведомой и готовой на все,

что предложат ей другие. Но она этого никогда не замечала, поэтому не сильно переживала на этот счет.

Я шла за ней, следуя словно тень. Район, в котором она жила, был далеко от центра. Он был до верху набит серыми многоэтажками, устремляющимися в небо, пытаюсь проткнуть его голубизну, но безуспешно.

Я почувствовала, как Оксане стало тепло внутри, когда она подошла к дому, в котором провела все свое детство. Он ничем не отличался от себе подобных. Серое бетонное здание с уродливым дизайном, но так согревающий душу молодой девушке.

Оксана быстро открыла входную дверь и зашла в лифт, я последовала следом. В маленькой кабинке она съежилась, в очередной раз за сегодня почувствовав холод. Она не могла понять, что с ней происходит, и подумала, хоть бы не разболеться перед первыми зачетами, которые будут через неделю. Как жаль, что она не знала, что через неделю ее уже здесь не будет.

Смешная, обшитая красным дверь, была справа от лифта, и Оксане пришлось ее чуть приподнять, чтобы открыть непослушный замок. Зайдя вовнутрь, я увидела квартиру полную света и любви.

Атмосфера внутри была волшебной. Не видя ни мебели, ни планировки, я уже почувствовала, что в этой семье каждый ценен и любим.

– Вот ты дружок! – радостно закричала Оксана, увидев,

как к ней навстречу бежит маленькая длинная такса, – привет, Шанежка! – улыбнулась она и начала наглаживать собачку.

Но та вдруг замерла, глядя на меня. Домашние животные всегда видели меня и таких как я. От них невозможно было скрыться. Они всегда знали, кто перед ними, знали, но не подавали вида. Они могли часами смотреть в одну точку, следя за каждым нашим движением, но никак не выдавать нас. Наверное, они просто не хотели пугать своих людей, понимая неизбежность их судьбы.

Оксана снимает верхнюю одежду и начинает ходить по квартире, занимаясь своими обыденными делами. Я слежу за ней, наблюдая, как она энергично начинает доставать что-то из холодильника, ставить на плиту, кормить собаку. Мне даже становится немного завидно, когда я вижу, как пес верно следует за ней, задорно виляя хвостом.

Я прохожусь по квартире и замечаю открытую дверь. Оттуда исходит приятный аромат ромашек, первых, луговых, только что распутившихся под солнцем. Именно так пахнет ее душа. Ромашками.

Никто не знает, но у каждой души свой аромат, который неповторим. Мне бы хотелось понять, чем пахну я, но это невозможно узнать. Может быть когда-нибудь какая-нибудь смерть придет и за мной и расскажет мне, какой же мой аромат.

На самом деле мне немного страшно. Вдруг это будет мо-

гильное сырое зловоние, ведь именно с этим запахом ассоциируется наша работа.

Я сажусь за стол и смотрю в окно, в которое проникают первые лучики солнца, упрямо расталкивающие тучи. Я не чувствую их тепла, но закрываю глаза, представляя, как оно осторожно касается моей кожи, как бы лаская своими нежными лучами.

Оксана входит в комнату и, кинув сумку на пол, плюхается на кровать. Та тут же прогибается под ее весом. Она хватается подушку в виде лисы и подкладывает ее себе под голову, чтобы не биться головой о стену. На ее лице застыла печаль. Она листает ленты соцсетей и пытается понять, появлялся ли там Саша. Поняв четность своих попыток, она со злостью кидает телефон на кровать и падает на бок, прихватив с собой подушку.

По ее гладкой щеке стекает слеза, которая тут же впитывается в мягкую бархатистую ткань. Я встаю и подхожу ближе, сев рядом. Мне не хочется ее пугать, не хочется сообщать о своем присутствии, но я хочу знать, что она чувствует.

Коснувшись ее щеки, я замираю. Калейдоскоп событий вперемешку с ее мыслями завертелся у меня в голове.

Вот Саша впервые берет ее за руку. Вот он шепчет ей на ухо теплые слова. Вот он целует ее. И так бесконечным потоком мыслей я узнаю всю ее историю. Историю ее жизни.

Убрав свои пальцы от ее кожи, я рассматриваю комнату. Совсем небольшая, но очень светлая, с обоями в мишки, как

у маленького ребенка. На полках стоят редкие книги, зато везде, практически на каждом метре можно найти мягкую игрушку, чистую, лощёную. Их хозяйка очень заботится о своих неживых питомцах.

Тут кровать еще немного заскрипела, и Шанежка прыгнула на мягкий настил, прогнув его под своим весом. Она забралась под Оксанину руку и улеглась рядом, недобро поглядывая на меня.

– Ты же знаешь, – тихо начала я, – это не в моей власти.

Словно поняв меня, Шаня сделала глубокий вдох и отвернулась к своей хозяйке, уткнувшись в ее щеку влажным носом.

– Все хорошо, Шанежка, все хорошо, – бормотала Оксана, стирая слезы со щеки, – просто я не понимаю, за что он так со мной? Ведь я его так люблю.

Мне стало не по себе от ее слов. Как будто меня пробило молнией и откинуло куда-то в прошлое.

У меня тоже когда-то был парень. Первая любовь. И все закончилось очень плохо.

Да, вы не ослышались. У меня тоже были отношения. Возможно, вы удивитесь, ведь я смерть, но вне работы я такой же обычный человек, как и вы все. Знаете, я даже не уверена, замечу ли я смерть, если она придет за мной. Моя душа и тело такие же уязвимые, как и у вас.

Оксана резко начала вытирать слезы, когда услышала, как в замочной скважине пискляво заскрежетал ключ.

– Мама пришла, – быстро сказала она Шанежке, а та со-
скочила с уютной кровати и побежала встречать свою вто-
рую хозяйку.

Оксана подбежала к зеркалу, быстро вытерла слезы под
глазами и пощипала себя за щеки, чтобы скрыть мокрые сле-
ды.

– Привет, мам! – с наигранной радостью сказала она, вы-
глянув из-за угла, – ты рано сегодня.

– Привет, привет! – ответила ее мама и подошла к дочери,
целуя в щеку, – закончила сегодня пораньше. Хочу пригото-
вить ужин прежде, чем вернется отец и Катя. Хочу сделать
вечер особенным.

Она прошла на кухню, неся за собой тяжелые набитые до-
верху продуктами пакеты.

– А какой повод? – скептически спросила Оксана, отки-
нувшись на дверной косяк и скрестив руки перед собой.

– Повод? – удивленно посмотрела на нее мама, – разве для
этого нужен повод? Просто хочу порадовать свою любимую
семью.

Мама прошла мимо, потрепав дочь за щеку.

– Поможешь мне сегодня? – спросила она, стягивая с себя
верхнюю одежду.

– Я не смогу, – опасливо начала Оксана, – я сегодня встре-
чаюсь с Сашей.

Мама на секунду замешкалась и, развернувшись, села на
тумбу.

– Когда ты нас с ним познакомишь? Ты уже несколько лет встречаетесь, а мы так ни разу его не видели? Это очень странно, – мама развела руками в сторону.

– Я знаю, мам, – Оксана бессильно опустила плечи, – он очень хочет вас увидеть, но у него все не получается, – Оксана села рядом с мамой, крепко обняв ее.

Ей хотелось сгладить острые углы и подлизаться к слишком негативно настроенной матери.

– Что-то я сомневаюсь. Хотел бы-пришел бы, – мама нежно поцеловала дочку в лоб и встала.

– Кстати, мам, – оживилась Оксана, резко сменив тему, – мы можем арендовать тот домик в поселке, где мы отдыхали прошлой осенью?

– Какой домик? – непонимающе переспросила мама, переодеваясь за закрытой дверью своей комнаты.

Оксана подошла как можно ближе, чтобы ей не пришлось кричать.

– Ну тот, маленький, с зеленым крыльцом и видом на лес, – чуть громче описала дом Оксана, – там так хорошо. Он мне очень понравился.

– Зачем нам снимать там домик? Это же так далеко? – мама вышла из комнаты и направилась на кухню, затягивая пояс халата.

– Было бы здорово провести там новый год, например. Я могла бы познакомить вас там с Сашей, – с надеждой в голосе, чуть ли не умоляюще попросила Оксана.

– Не знаю, Оксюша. До нового года еще долго. Потом решим, – мама быстро начала разбирать пакеты, не глядя на свою дочь, которая стояла в дверном проеме и мешкала, как будто хотела что-то сказать.

– Ладно, мам, я пойду собираться. Мне еще надо доехать до ТЦ, – сконфуженно сказала Оксана, засунув руки в карманы.

– Только вернись к ужину, пожалуйста, – не оборачиваясь, крикнула мама, – хочу, чтобы вся семья была в сборе.

– Хорошо! – крикнула Оксана и захлопнула дверь в спальню.

Она прислонилась спиной к двери и поправила волосы. Она была расстроена, даже подавлена чем-то. Но я никак не могла понять, чем именно. Иногда даже самые очевидные вещи находятся за семью печатями для меня, и мне приходится как следует прислушиваться к струнам души, чтобы понять, что беспокоит ее владельца.

Оксана быстро переоделась, вытряхнула из сумки все содержимое и, схватив телефон, начала набирать Саше очередное сообщение.

«Выхожу. Буду минут через тридцать», – быстрыми движениями пальцев она набрала сообщение и замерла, увидев, что он тут же прочитал его.

«Отлично. Могу немного опоздать. Но ты дождись», – сухо ответила бездушная СМСка.

«Обязательно. Люблю тебя. Скучаю», – но это сообщение

осталось без ответа, и Оксана почувствовала, как слезы снова подступают.

Мне стало жаль ее, за свою недолгую карьеру я видела разное, но каждый раз, видя такое отношение, мне становилось физически больно, если так можно говорить, ведь я сама испытала на себе что-то подобное.

На первом курсе университета я познакомилась с молодым человеком. Он был высокий, худой, красивый, остроумный. Что еще нужно было девушке? Наши отношения были очень открытыми и доверительными. Мы много времени проводили вместе, давали друг другу глупые наивные клятвы, и я верила, то наша любовь единственная и неповторимая.

Но потом он начал пропадать, не отвечать на звонки, игнорировать, заставляя меня проходить через эмоциональные качели, которые укачивали меня до тошноты.

Глядя на бедную девушку, я понимала, через что она проходит.

Оксана быстро проскользнула в коридор, словно какой-то воришка, не желая снова общаться с мамой. Погладив на прощание Шанежку, она поцеловала ее в мокрый нос и выскочила за дверь.

Солнце уже клонилось к закату и вяло освещало серые многоэтажки, когда Оксана села на свой автобус. Мест внутри не было, поэтому она ухватилась за ручки и стояла, листая фотографии. На них были она и Саша, счастливые, улыбаю-

щиеся, влюбленные.

Я почувствовала, как защемило у нее в сердце. Она осталась на одном фото, которое было сделано полгода назад. Там она сидела на качелях, а Саша с улыбкой качал ее, стоя позади. Она была такая счастливая, радостная, другая.

Все так быстро поменялось, и теперь Оксана чувствует, как сильно ее жизнь изменилась за последнее время. Она понимала, что с их отношениями что-то не так, но ничего не могла с этим поделать. Ведь Саша был ее единственным, по крайней мере так ей хотелось верить.

Видя ее тоску, мне стало противно. Я невольно вспомнила себя, как я так же утешалась мимолетными счастливыми видениями из прошлого, изредка брошенными мне моей памятью, чтобы не делать резких движений и верить в невозможное будущее. Мне захотелось встряхнуть наивную дурочку, дать пощечину, что угодно, лишь бы она поняла, как она отравляет себе жизнь.

Я молча стояла и уже не смотрела на нее. Я знала, что она все так же листает фотографии, холя и лелея каждый момент, проведенный с ее возлюбленным. Мне от этого было тошно, и я хотела, чтобы мы поскорее приехали на место.

Автобус все больше заполнялся людьми, которые раздраженные ехали после тяжелого рабочего дня к себе домой, судя по их лицам, чтобы излить весь свой нажитый за последние десять часов негатив. Где-то в начале автобуса слышалась ругань, как следует украшенная ненормативной

лексикой, и мне снова стало неудобно. Так же, как и с утра.

Вдруг я заметила его. Он стоял в центре автобуса, так же отстраненно глядя в окно. Он почувствовал на себе мой взгляд и, резко повернув голову, тут же отвернулся. У нас не принято замечать друг друга. Не принято здороваться, о чем-то разговаривать. Это даже иронично. Вы бы могли представить себе эту прекрасную беседу?

– У скольких человек ты отнял жизнь на этой неделе? Все-го у двух? Повезло! Вот бы и мне так мало работы, а то мое тело скоро развалится.

На самом деле мне было бы интересно поговорить с такими же как я. Но меня тоже что-то останавливает. Может быть это стыд. Стыд за то, чем мы занимаемся, как играем жизнями людей, как вершим их судьбы. Хотя... Мы ли?

Автобус резко затормозил, и некоторые пассажиры полетели вперед, едва удерживаясь за ручки. Начался грандиозный скандал. Все громко кричали, ругались, поливая водителя грязью, а он лишь махал руками, выкрикивая последние ругательства.

Оксана поправила скатившуюся на лоб шапку и начала продвигаться к выходу, снова задев случайно бабку.

– Смотри, куда идешь! Совсем отупели со своими телефонами! – заорала она, как будто ее только что сбили с ног.

– Простите, – тихо прошептала Оксана, покраснев, словно помидор.

– Совсем уважения к старшим нет... – из морщинистого

рта понеслись жалобы и стенания, нацеленные на то, чтобы каждый стоящий в автобусе расценил бедную девушку, как врага народа.

Меня начало выводить это из себя. Внутри я сказала спасибо Ей за то, что мне не приходится пользоваться общественным транспортом, а значит, встречаться с подобными.

Я резко махнула рукой, едва коснувшись бабкиной шеи, и та резко замолчала, погрузившись в непрерываемый приступ кашля. Она схватила за ручку и согнулась пополам, пытаясь восстановить дыхание.

Я же направилась вслед за Оксаной, бросив мимолетный взгляд на своего коллегу, который наградил меня легкой одобряющей улыбкой.

Дверь открылась, и Оксана вылетела из автобуса, как ошпаренная, лишь бы быстрее обветриться от этого града оскорблений за маленькую оплошность. Она была очень вежливая, правильная, хорошая девочка. Для меня это означало лишь одно – она была удобная. Слабая.

Еще раз взглянув в телефон, она набрала Сашу, но трубку с первого раза никто не взял.

Ночь уже опустилась на город, и сильный пронизывающий до костей ветер пришел на смену легкой прохладе. Девушка стояла и замёрзшими пальцами набирала сообщение, на которое до сих пор не было ответа. Отписавшись, она опустила руки и посмотрела вдаль удаляющемуся автобусу.

– Привет, Оксанка! – раздался мужской голос.

Я резко обернулась и увидела, как в нашу сторону направляется какой-то парень. Девушка резко развернулась и, светясь от счастья, побежала ему на встречу. Повиснув у него на шее, она впилась своими холодными губами в пропахшие табаком потрескавшиеся губы Саши.

– Я так соскучилась! – пролепетала она, – почему ты мне не отвечал?

– Прости, малыш, – беззаботно и как-то пренебрежительно начал он, – было много работы. Никак не мог ответить.

– Хорошо, – радостно сказала она, глядя со всей нежностью на своего партнера.

От этой сахарной сцены мне захотелось вывернуться наизнанку. Саша был старше Оксаны на пару лет. Он был одет в черные джинсы, потрепанные по бокам, черную куртку и черную шапку, создавая впечатление гопника с района. У него было приятное миловидное лицо, но взгляд его серых глаз сразу же оттолкнул меня, заставив усомниться в чистоте его души.

Не поймите неправильно, все души чистые, просто некоторые из них запятнаны невидимыми чернилами, от которых можно отмыться лишь спустя несколько жизней.

Саша приобнял Оксану, и они пошли в кальянную, где так часто зависал Саша. Это место едва ли можно было назвать подходящим для такой девочки как Оксана. Тут и там раздавались пьяные вопли, в воздухе стоял плотный запах травы, а из-за густого кальянного дыма было тяжело увидеть само

помещение и всех тех, кто там находился. Хотя может быть в этом и была вся суть.

Саша и Оксана прошли в самый дальний угол, где он заказал себе ядреный кальян и светлое пиво, а Оксана скромно попросила лишь апельсиновый сок, смущенно отказавшись от кальяна. Сев на кожаный диван, она в очередной раз почувствовала себя здесь чужой, совершенно ненужной. Он положила руки себе на колени, как примерная ученица, и наблюдала за тем, как Саша о чем-то шептался с официантом, записывая что-то в телефоне.

– Ты точно не хочешь пива? – бросил ей Саша, отпивая из своего стакана.

– Нет. У нас сегодня семейный ужин, не хочу, чтобы от меня пахло алкоголем, – сжавшись, ответила Оксана.

– Ты у меня такая правильная, – нагло улыбнулся он и потянулся к ней за поцелуем.

От него мерзко пахло пивом, и его пивной поцелуй оставил на нежных губах девушки горькое ядовитое послевкусие. Они болтали ни о чем, точнее, болтала Оксана, что-то ему оживленно рассказывая, пытаясь привлечь его внимание, а Саша лишь время от времени издавал какие-то звуки и пялился в телефон. Заметив это, она наконец спросила.

– Ты опять занимаешься чем-то незаконным? – с беспокойством спросила девушка, потянувшись к Саше.

Саша резко положил телефон и скрестил руки в замок.

– С чего ты взяла? – с раздражением спросил он.

– Ну я же вижу. История повторяется. У тебя много номеров телефона, много карт, ты не отвечаешь на мои сообщения, скрываешься неделями. Ты опять занимаешься чем-то? – Оксана с заботой смотрела на Сашу, совершенно игнорируя, как он приходил в бешенство.

– Тебе лучше не лезть в это дело. Я работаю с серьезными людьми, а они не терпят вмешательств, – он резко замолчал и затаился кальяном.

Густой аромат ударил ему в голову, дав расслабиться.

– Я просто переживаю за тебя. Ты же знаешь, – она обняла его, зарывшись носом в его пропахшую дымом толстовку, – не сердись.

Она подняла на него свои полные надежды глаза и потянулась за очередным поцелуем. Он как-то нехотя, лениво ответил на него, быстро вытерев губы, пока Оксана потянулась за своим телефоном.

– Можешь кое-что для меня сделать? – спросил Саша, и она безмолвно кивнула, – переведи моей матери тысячи две, я тебе потом отдам.

– А что с твоими картами? – обеспокоенно спросила Ксюша, – опять заблокированы?

Он кивнул. Потом немного помолчав, сказал.

– Окс, ты помнишь, мы хотели снять тот домик, в котором вы отдыхали всей семьей в прошлом году? – в глазах Оксаны забегали огоньки.

– Конечно, помню! – радостно ответила она.

– Дак вот, я подумал, давай снимем его на эти выходные. Ты хочешь? – с невинным лицом спросил он, впервые интересуясь о ее желаниях.

– Хочу! – подпрыгнула на месте Оксана.

– Я уже договорился с владельцем, – улыбнулся он и полез в карман за чем-то, – вот тебе деньги. Их надо завтра отвести владельцу. Сможешь?

– Завтра? – она растерянно смотрела на конверт, – завтра же учебный день. Я не могу пропустить занятия.

– Если не внесем оплату до среды, бронь сгорит. А мне так хотелось провести с тобой время, – он потянулся к ней и поцеловал в щеку, – у меня завтра много работы. Не получится вырваться.

Оксана задумчиво смотрела на Сашу, пытаясь что-то уловить в его словах. Это было так неожиданно, ведь каждый раз, когда она просила его снять домик, он отмахивался, ссылаясь на нехватку средств. Неужели все изменилось?

– Окс? – протянул он, вырывая ее из лап задумчивости.

– Хорошо, – радостно согласилась она, расплываясь в теплой согревающей улыбке, – я так рада, что мы проведем все выходные вместе, – Оксана потянулась к конверту и положила его в рюкзак.

– Там больше, чем нужно, но это заранее за предоплату на новый год, – Саша затянулся еще раз, – передай ему все. Только не потеряй, – поучительно помахал он трубкой перед ее лицом.

– Главное, чтобы о моем прогуле не узнали родители, – Оксана почувствовала, как чувство вины отнимает ее радость и заставляет придумывать ложь, которую она не хотела бы.

– Не говори им. Ты уже такая взрослая, хватит перед ними отчитываться, – он снова притянул ее к себе, и они продолжили болтать о всякой ерунде.

Я наблюдала за ними со стороны и чувствовала, как радостно билось ее сердце в предвкушении.

Она изо всех сил старалась улыбаться, не подавая виду, что задыхается от висящего в воздухе дыма. Когда терпеть стало совсем невмоготу, она полезла в телефон и заметила пропущенный звонок от мамы и тут же подскочила на месте.

– Блин! – запаниковала она, собирая вещи, – я совсем забыла про ужин. Мама меня убьет!

– Да забей! – вальяжно протянул Саша, потягивая кальян, – останься со мной. Что может быть интересного в этом идиотском ужине?

Оксана на миг замерла и, повернувшись, непонимающе посмотрела на Сашу.

– Это моя семья! И ты должен ее уважать! – она со всей силы сжала ремни сумки, чувствуя, как страх перед ссорой наполняет ее тело.

Саша фыркнул и выпустил вверх струйку дыма, пытаясь создать кольца.

– Какая разница? Они не моя семья, а твоя, – безразлично

ответил он, не показывая никаких эмоций.

Ксюша обессиленно села рядом, чувствуя, как почва уходит у нее из-под ног. Она всегда мечтала, чтобы они с Сашей стали настоящей семьей, но он упорно отказывался даже знакомиться с ее родней.

– Разве они не будут когда-нибудь и твоей семьей? – с надеждой в голосе спросила Оксана, стараясь сделать свой голос как можно мягче.

Саша ничего не ответил. Вместо этого он вымученно закатил глаза и откинулся на диван. Подождав его реакции какое-то время, Оксана подобрала свою сумку и направилась к выходу. Она надеялась, что Саша встанет и начнет извиняться, но он неподвижно сидел на месте, лишь наблюдая за ней своим холодным взглядом.

Она резко развернулась на выходе и печально улыбнулась Саше.

– До завтра, – тихо сказала она.

– Не забудь перевести деньги, – только и сказал Саша, уткнувшись в свой телефон.

Я какое-то время постояла рядом с ним, разглядывая его безразличное каменное лицо. Но когда я подошла ближе, он улыбнулся, читая сообщения от какой-то девушки, предлагавшей ему всякие непристойности.

Чувство отвращения заставило меня скривиться, словно аромат гнили ударил мне в ноздри. Я принялась к Саше и поняла, что от него пахнет резиной. Старой, жженой, стертой

резиной, которая отравляет воздух своим зловонием.

Поняв, что Оксана уже вышла, я решила отправиться за ней, но резкий голос Саши заставил меня обернуться.

– Да дура она. Совсем без мозгов. Как она вообще может думать, что я в нее влюблен? Ну так. Встречаемся и все. Ничего серьезного. Достала меня со своей любовью, – он злобно засмеялся, услышав на том конце провода писклявый женский смех.

Мне стало не по себя. Я вспомнила, как я так же как и Оксана бегала за моим парнем, веря, что наша любовь настоящая. Как я тогда ошибалась. Услышав Сашу, мне стало страшно, вдруг и тогда у меня было так же, вдруг он тоже смеялся с какой-то девкой, обсуждая меня и издеваясь над моими чувствами.

Я резко развернулась и пулей вылетела на улицу. Было уже очень холодно, но я не чувствовала ничего, только морозный запах приятно наполнял несуществующие легкие, будто я все еще жива. А жива ли?

Я закрыла глаза и почувствовала, как бьется ее сердце. Сердце моего спящего дома тела. Ухватившись за нашу связь, я перенеслась прямо к своей подопечной.

Оксана стояла на остановке, окруженная безразличными холодными людьми, и едва сдерживала слезы. Мимо неслись машины, автобусы, трамваи, а она торчала на остановке и утирала горькие слезы, обжигающие холодные щеки. Ей было больно, что Саша так холоден с ней, но в то же время на-

дежда, та самая, которая превращает людей в идиотов, одурманивала ее сердце. Она упрямо не хотела верить, что то, что происходит между ними с Сашей, точно нельзя назвать любовью.

Она закрыла глаза и переместилась в то лето, когда встретила его после армии. Какими крепкими были их объятия, какими нежными были поцелуи и какими приятными были их слова. Что же изменилось? Куда все делось?

Оксана знала, что, когда Саша начал заниматься своими черными делами, она перестала быть ему интересна, потому что плохому мальчику только в фильмах интересна хорошая девочка, в жизни же таким нужен скорее партнер, готовый прикрыть спину. А Оксана не была готова делать это ради его сомнительной работы.

Она нащупала в сумке конверт с деньгами. Как следует прочувствовав содержимое, Оксана усомнилась в том, что там именно та сумма, которая была нужна. Она достала конверт и повертела перед собой, не решаясь открыть. Белая плотная бумага не давала увидеть, что там внутри. Она прощупала каждый сантиметр конверта, никак не решаясь пересчитать содержимое. Заметив недобрый взгляд какого-то пьяницы, она сунула конверт в сумку и зашла в автобус, а пьяница остался стоять на остановке.

– Не бойся, – прошептала я, – это случится не сегодня.

Оксана словно слышала мой шепот и успокоилась. Я села рядом и больше не могла слушать ее переживания, которые

заставляли меня волноваться.

Я познакомилась с ним в тот момент, когда была меньше всего готова к отношениям. Я уже была поглощена своей работой и относилась к ней более трепетно, чем сейчас. Я переживала каждую смерть как свою собственную трагедию, оставляющую на моем сердце маленький след.

Артур был на год старше меня, поэтому он приглядывался к первокурсницам, желая заполучить себе свежую подружку. И непонятно как я попала в поле его зрения. Вечно уставшая, не накрашенная, с кругами под глазами, я все еще излучала жизнь, стараясь не терять ее оптимизма. Он подошел ко мне первый, что-то спросил и сделал пару комплиментов. Но я лишь промычала в ответ, чувствуя, как мир погружается во тьму.

Но он не растерялся. Побежал к ближайшему автомату и принес мне стаканчик ароматного автоматного кофе, добавок еще и предложил проводить до дому. Я не отказалась. Он был приятен в общении, обходителен, громкий и активный, а когда было нужно тихий и молчаливый.

Я не знаю, как позволила себе привязаться к нему. Но в один момент, он стал мне необходим, словно воздух. Неудивительно, что когда это все кончилось, я почувствовала, что задыхаюсь, теряя то единственное, что, как мне казалось, держало меня на плаву.

Прошло какое-то время, и мои чувства прошли, но даже теперь каждый раз когда я вижу его в коридоре, по моему

телу проходит дрожь. Я чувствую всепоглощающий страх, хотя я знаю, что сильнее его.

Вы можете подумать, что он меня бил. Но это не так. Он никогда не поднимал на меня руку, по крайней мере физически.

Дома у Оксаны было тепло и светло как днем. С кухни доносился приятный аромат только что приготовленной курицы, а задорный голос ее младшей сестры заставлял Оксану улыбаться.

Как только она переступила порог своего дома, на душе стало спокойно. Она словно закуталась в атмосферу заботы и уюта, которого никогда не чувствовала где-нибудь еще. Шанежка тут же подбежала к ней, вертясь словно волчок, и всем своим видом показывая, как рада ее видеть. Оксана быстро стянула с себя верхнюю одежду и тихо, практически на цыпочках прошла на кухню, виновато замявшись на пороге.

– А вот и Оксанка! – закричала Катя, – пришла наконец! Только тебя и ждем.

Она недовольно водила вилкой по пустой тарелке, издававший при этом скрипучий неприятный звук, от которого все тело передергивало.

– Прекрати! – чуть повысив голос, сказала мама, но это звучало так по-доброму, с любовью, что девочка и не думала прекращать, – мой скорее руки и садись, а то остынет, – тепло обратилась к Оксане мама.

Оксана последовала в ванную и, открыв на всю катуш-

ку кран, начала лихорадочно намыливать руки, чувствуя себя виноватой. Она попыталась сжаться, чтобы прогнать это неприятное чувство, но оно никак не отступало, снова и снова цепляясь за нее, как за спасательный крюк.

Вымыв руки, Оксана побежала за стол и плюхнулась рядом с Катей, которая тут же показала ей язык. Шанежка сидела возле стола и бодро виляла хвостом, клянча хоть маленький кусочек. Во главе стола сидел отец, большой грузный мужчина с бородой, торчащей во все стороны. Несмотря на его грозный вид, от него веяло добротой, а душа пахла рыбой. Но не той вонючей рыбой, какую обычно продают на базаре, и от которой хочется вывернуться наизнанку, а только что выловленной, свежей, в которой еще теплится жизнь, и которую рыбак в скором времени, потешив свои инстинкты охотника, выпустит наружу.

– Как поживает Саша? – без доли иронии или агрессии спросил отец.

– Все хорошо. Занят, как и всегда. Очень устает, – Оксана попыталась звучать как можно радостнее, чтобы скрыть от родителей свои переживания, – передает вам привет, – улыбнулась она, соврав.

– Мне уже не терпится с ним познакомиться, – сказал папа, накладывая себе салат, пока мама поровну клала каждому на тарелку курицу, – когда это будет возможно?

– Я не знаю, пап, – почти умоляюще ответила Оксана, опустив плечи и слегка сгорбившись, – он очень хочет познако-

миться, но все время что-то мешает.

– Может он просто не хочет? – скептически спросил папа, изогнув бровь, – хотел бы, нашел бы время.

– Не говори так, – бросилась в защиту Оксана, – ты же его совсем не знаешь. Зачем ты так говоришь?

– Действительно, Миша, – спокойным голосом вмешалась мама, не дав папе сказать очередную вещь, которая расстроит их любимую дочь, – Оксаночка уже взрослая, и она лучше знает Сашу. Значит, он занят. Всеу свое время.

Она спокойно села, поправив платье, и, улыбнувшись, указала всем на стол. Я стояла сбоку и наблюдала. Несмотря на то, что разговор вызвал неловкость и замешательство, атмосфера быстро перетекла в повседневное дружелюбное русло, и вскоре все начали болтать о своих обыденных делах, делясь забавными историями из жизни.

Я видела много разных семей, да что там видела, я разрушила много разных семей, но эта мне показалась какой-то особенной. Настоящей что ли. Не напускной, где все дружелюбие выпячивается на показ, чтобы скрыть семейные проблемы и успокоить совесть каждого сидящего за столом. Но в этой семье все иначе. Здесь никто не боялся высказывать свои чувства, делиться переживаниями или приятными моментами, атмосфера сплоченности присутствовала в каждом их слове, взаимодействии, взгляде, где взрослые уважали и друг друга и своих детей, а дети в свою очередь отвечали им тем же.

Ни разу за столом не появилось неловких пауз или лишних неуместных вопросов, которые бы вызвали минутную молчаливость. Даже наоборот, каждый следующий вопрос побуждал всех сидящих продолжить интересную дискуссию и поделиться своим мнением, которое обязательно будет принято во внимание, а не обесценено, как у большинства семей.

Мне было приятно наблюдать за тем, как раскрывается в этой атмосфере моя подопечная, показывая себя настоящую, живую, чувствующую, и я искренне не понимала, почему она выбрала холодного, тупого Сашу, который совершенно не воспринимает ее всерьез. В какой-то момент я разозлилась на семью Оксаны. Ведь они воспитали прекрасную, добрую, удобную девочку, которая не способна постоять за себя.

Эта чудесная дружелюбная атмосфера формирует здоровую психику, но и отделяет ребенка от реального мира, в котором существует зло и жестокость. Именно поэтому, попав в реальный мир, Оксана не может сказать Саше нет и бросить его, ведь в ее розовой вселенной все делается из любви, и другое поведение не вписывается в эти рамки.

Я смотрю на них и понимаю, что это их последний совместный вечер, и завтра родители будут искать свою любимую дочь, набирая различные номера телефонов, отправляя СМСки, которые так и будут не отвечены, да и просто сходить с ума, не зная, где находится их ребенок. А она тем временем будет у меня, и я никак не смогу им ее вернуть. Такова

жизнь. Таков закон. Дак пусть они сполна наслаждаются этим приятным вечером, возможно последним приятным за всю их жизнь. И я точно знаю, что они до конца своих дней будут вспоминать этот момент и проливать по нему горькие слезы.

Закончив ужин, отец семейства и младшая сестра начали разбредаться по своим комнатам, а Оксана осталась помогать маме мыть посуду. Она чувствовала какое-то внутреннее напряжение, какой-то дискомфорт, но не могла выразить его.

– Все хорошо? – заботливо спросила мама, положив нежную ладонь Оксане на плечо.

– Да, – быстро ответила она, – все в порядке, мам. Просто очень устала. Тяжелый был день, много заданий, – начала тараторить Оксана, а мама всегда знала, что это признак того, что дочь что-то скрывает.

– Милая, может тебе стоит взять паузу в отношениях? – осторожно начала мама, понимая, что дочь тут же пойдет в атаку.

Но к ее большому удивлению, Оксана не сказала ни слова, лишь печально посмотрела на нее.

– Понимаешь, ты очень изменилась. И это плохие перемены. Ты стала грустной, замкнутой, не такой как раньше, – мама взяла у Оксаны тарелку и, протерев, поставила в сушилку.

– Я нужна ему, мама. У него сложная жизнь. Кроме меня у него никого нет! – чуть не плача, выкрикнула девушка.

Она пыталась убедить себя в том, что действительно нужна Саше, что он так же цепляется за ее любовь, как и она за него. Но глубоко в душе она понимала, что это далеко не так.

— Ну хорошо. Я не давлю на тебя. Просто, если вдруг ты поймешь, что что-то идет не так, знай, что мы всегда рядом, — почти полушёпотом сказала мама и поцеловала дочь в лоб.

— Спасибо, — улыбнулась Оксана и отвернулась к раковине.

Оставшееся время они провели в молчании каждая в своих мыслях, не в силах больше ничего друг другу сказать.

Я вернулась в комнату Оксаны, пока она принимала душ и готовилась ко сну. Я медленно расхаживала по комнате, внимательно рассматривая все, что создавало эту уютную атмосферу.

Ее комната напоминала мою. Такой же творческий беспорядок, много игрушек, книг, какие-то записи с несуразным почерком и веселые зарисовки на полях тетрадок. Оксана вошла в комнату и кинула мокрое полотенце на пол. Я обернулась и начала внимательно ее рассматривать.

Она была такая хрупкая, нежная, живая, но я уже начала замечать то, что не видно человеческому глазу. Ее тело начало бледнеть, становясь прозрачным. Так стирается физическая материя из нашего мира, готовясь к своему полному исчезновению. А ведь мы с ней почти ровесницы, но ее жизненный путь уже оборвался. Мне всегда было интересно, почему? Как определяется тот срок, который мы должны

прожить в этом мире прежде, чем перейти в тот? И кто знает этот срок? А вдруг сама смерть получает хаотичные сообщения только с датами и ничего более? Кто знает. Я точно не знаю.

Девушка улеглась в кровать и начала набирать Саше очередное сообщение, которое так и осталось не отвеченным. Глубоко вздохнув, она выключила свет и перевернулась на бок, а Шанежка тут же запрыгнула на кровать и пролезла под Оксанину руку, желая, чтобы хозяйка ее крепко обняла.

– Хоть ты мне желаешь спокойно ночи, – грустно сказала Оксана и закрыла глаза.

Я не могу покидать свой пост, пока не закончу работу. Чисто теоретически, конечно, это возможно, но кто знает, когда тело прекратит свой жизненный путь и будет готово освободить из плена душу. Поэтому я подошла к окну и осторожно присела на подоконник.

До полуночи еще было время, и я удивилась, почему Оксана легла спать так рано, хотя впереди еще целая ночь. Опять этот ужасный синдром хорошей девочки, который даже тут лишал ее права на полную жизнь. Я слышала, как она ворочается в кровати и ворчит, не в силах уснуть. Однако она не встает и даже не берет в руки телефон, словно следуя одной ей известному правилу. Через час возня прекратилась, и я услышала легкое посапывание, доносившееся из-под одеяла. Тогда я смогла расслабиться и спокойно насладиться тихой ночью и своими мимолетными воспоминаниями.

Впервые, странные сообщения начали приходить, когда мне едва стукнуло пятнадцать. Я помню это утро. Морозное, раннее, когда ты умом понимаешь, что нужно вставать, но все твоё естество яро протестует, не желая выходить к миру. Я получила странное сообщение ещё до пробуждения. В нём говорилось, что администрация школы просит меня явиться по такому-то адресу, туда-то, чтобы проверить какие-то документы, и что я освобождена от занятий.

Помню, как второпях перекусила, насилу засунув в себя хлеб с маслом и, как следует утеплившись, побежала на улицу. Было серое холодное утро. Тьма ещё не уступила своё место свету, но улицы уже оживились сотнями машин, мчащимися на работу и учёбу. Я бодро перебирала слабыми ножками, стараясь на заморозить ступни, и дышала как обычно ртом. Хотя мама всегда меня ругала за эту глупую привычку, но, когда на улице слишком большой минус, дышать через нос просто физически больно. От массивных струек пара изо рта мои ресницы покрылись инеем, и я, словно бабочка, пыталась смахнуть его.

Мне нравилась зима. На самом деле это моё любимое время года. Когда всё настолько белое и прозрачное, что любая грязь и дефект сразу становятся заметными.

Глубокое поскуливание вырвало меня из воспоминаний. Шанежка сидела рядом и смотрела на меня своими большими грустными глазами, словно умоляя не забирать её хозяйку. Я не знаю язык животных и думаю, никто не знает, раз-

ве что Бог, но я даже не знаю, существует ли он на самом деле. От Шанежкиного пронзительного взгляда и глубокого, но тихого поскуливания, у меня замирало сердце.

Я опустилась на колени и начала гладить ее. Знаю, звучит бредово, если учесть, что я бестелесна. Но это не мешает мне имитировать касания, наполняя его как можно большим количеством энергии, чтобы собачка почувствовала мое тепло. Или все же холод?

– Ты же понимаешь, я ничего не могу с этим сделать, – грустно прошептала я, словно боялась, что меня могут услышать, – пришло ее время. Тебе придется отпустить ее, – я продолжала гладить Шанежку, чувствуя, как ее глаза повлажнели, словно она сейчас заплачет.

Многие думают, что животные всего лишь примитивный продукт природы, не имеющий разума. Люди бы удивились, узнав, что у этих существ разума и эмпатии намного больше, чем у среднестатистического человека. Они тонко чувствуют не только физический мир, но и тонкий, что дано очень малому проценту людей.

– Ты должна быть сильной и защищать ее семью. Хорошо? – спросила я, глядя прямо в большие грустные глаза.

Она, конечно же, не ответила, но попыталась лизнуть мою руку, но у нее получилось лишь забавно облизнуть воздух.

– Иди. Согрей ее. Проведи с ней еще немного времени, – одобрительно сказала я, махнув в сторону кровати.

Шанежка поняла мои слова и, развернувшись, неуклюже

зашагала к Оксане, перебирая своими маленькими короткими лапками. Я глубоко вздохнула, вспомнив, как мне тоже сильно хочется собаку. Видимо, моему желанию не суждено сбыться.

Я заняла свое прежнее место и мечтательно уставилась в даль.

Мое первое дело было таким сумбурным, непонятным и быстрым, что я не успела осознать все происходящее. Добравшись до назначенного места, мне лишь выдали папку и сказали, куда мне надо подойти. Я в замешательстве пролистала ее содержимое, но не обратила на него никакого внимания, подумав, что это дурацкая шутка.

Весь день я сидела в школе вместо того, чтобы пойти к указанному месту, пока на одном из уроков я не услышала странный голос в голове, и ее не пронзила боль, похожая на сотни гвоздей, одновременно вбиваемых в мой череп. Из носа потекла кровь, и я пулей выбежала наружу.

Голос звал меня. Приказывал явиться. Я не могла не подчиниться и, накинув на себя пуховик, побежала по адресу. Каково же было мое удивление, когда на том самом месте я увидела толпу людей, склонившуюся над лежащим на земле юношей.

Он корчился от боли, прижимая руки к животу, из которого торчал нож. На лице у парня не было и живого места. Он оскаливал окровавленные зубы, силясь позвать на помощь. Но люди лишь отстранённо стояли вдалеке и снимали все на

камеру.

Мне впервые было очень страшно. Но боль куда-то исчезла, оставив место оцепенению. Вдруг я заметила черную тень, медленно плывущую к умирающему. Она имела лишь смутные очертания, но я сразу поняла, что она смотрит на меня. Ее пустое отсутствующее лицо казалось мне настолько безобразным, что я готова была кричать, но звук застрял глубоко в глотке. Она склонилась над парнем и, протянув к нему свою тонкую бесцветную руку, схватила его за шею и одним рывком вытащила его душу из тела.

Больше я ничего не помню. Мир поплыл перед глазами, и последнее, что я помню, это могильный голос, говорящий о том, что это должна была сделать я.

Лишь потом, спустя время я поняла, что, если бы я сразу явилась, как мне было сказано, парень бы не мучался так долго. Никто так и не нашел его убийц, несмотря на то, что мы живем в двадцать первом веке, где каждый угол напичкан камерами. Видимо, просто никто не хотел искать. Больше его душу я не видела и даже не знаю, отправили ли ее на покой.

Но с того самого раза я начала получать сообщения, которые больше не игнорировала. Так постепенно я втянулась, стала своей. Библиотекарь мне все объяснил. А я набивала руку на практике, стараясь не навредить душам. Но могу поклясться, что в первый год я чувствовала, как бесцветная тень прячется за каждым углом, наблюдая за тем, как я вы-

полняю свою работу. Наблюдает и отдает команды, которые эхом отзываются в моей душе, душе, которую едва ли можно назвать живой.

Около пяти часов утра с неба посыпал легкий снег, первый настоящий в этом году. Я всегда любила этот момент. Словно маленькие ангелочки спускаются с небес, чтобы скрыть человеческие пороки, облачив землю в цвет невинности. Я почувствовала, как детское озорство затеплилось внутри, но я быстро вернулась с небес на землю, когда вспомнила, где я. Иногда ты невольно думаешь, а можешь ли ты испытывать моменты счастья, когда кто-то вокруг страдает? Когда чья-то жизнь рушится? Можешь. Если бы не мог, весь мир бы погрузился в большую непроглядную тьму.

К моменту как у Оксаны зазвенел будильник, улицы уже запылало снегом, и по ним, грустно скользя, катились первые машины, чьи водители не успели еще переодеть резину.

– Сколько человек сегодня не вернется домой из-за выпавшего снега? – спросила я себя.

Так было всегда. Кому-то снег – это детские воспоминания и чувства, а кому-то – причина смерти.

За ее дверью слышались первые шаги. Мама уже встала на ноги, чтобы приготовить своим домочадцам завтрак. Я решила выйти из комнаты и посмотреть на женщину, которой сегодня придется потерять ребенка.

Маму Оксаны звали Вера. Символично, не так ли? Именно вера ей скоро понадобится, чтобы пережить тяжелую

утрату. Вера была высокой худой женщиной, с большими добрыми глазами и короткой стрижкой. Она двигалась очень плавно и грациозно даже тогда, когда у нее в руках были тяжести. Ее лицо уже давно тронули морщины, но при этом оно оставалось молодым, даже кукольно-детским. Я наблюдала за тем, как она мечется между плитой и мойкой, стараясь успеть сделать все до пробуждения семьи. И мне стало тепло на душе.

У меня самой никогда не было такой теплоты в отношениях с родителями. Они развелись, когда я должна была пойти в первый класс, и тогда мое представление об идеальной, дружной, сплочённой семье треснуло навсегда. Отец совершенно обо мне забыл, погрузившись в новую жизнь с молодой женой, а мама погрузилась в работу, чтобы обезболить ту рану, которая была нанесена предательством самого близкого человека.

Я осталась одна. Сирота при живых родителях. Сама вставала в школу, сама готовила, сама ложилась спать, причёсывалась и так далее. Я не испытывала грусти от своей жизни, но теперь, когда я вижу, чего была лишена, в душе появляется огромная дыра, которая воронкой засасывает меня в самые потаенные уголки моей души, где я храню обиды и страдания.

Я слышала, как у Оксаны зазвенел будильник, но решила не спешить к ней. Пусть побудет наедине с собой. Ведь мы более чутки ко всему постороннему в момент пробуждения,

когда мы все еще находимся на грани двух миров. Я осторожно прошла на кухню и села на подоконник, глядя на то, как оживает город.

– Доброе утро! – радостно пропела девушка, увидев маму.

Мне стало приятно, что она немного оживилась, но как только она переступила порог, то ее душа почувствовала мое присутствие, и ей стало не по себе. Я невольно приношу беспокойства в жизни тех, чьи линии судьбы вот-вот оборвутся.

– Доброе утро, дочка! – мама потянулась к ней и поцеловала ее в щеку, – как спалось?

– Не очень, – пронила она, чувствуя, как усталость накапывает на нее новой волной, – вроде и спала нормально. А ощущение, что всю ночь паялилась в потолок.

– Сколько у тебя сегодня пар? – мама облизывала ложку, на которой еще осталась капелька сметаны, затем незамедлительно бросила ее в раковину и достала новую.

– Три, – отрезала Оксана, грустно водя вилкой по пустой тарелке, которая издавала пронзительный скрежет.

– Ты прям как твоя сестра? – маму передернуло от одного только звука, – два сапога- пара.

Девушка улыбнулась и дождалась, пока мама наложит ей свежее испеченные сырники. Вдохнув сладкий аромат, она ощутила, как жизнь снова просыпается в ней.

– Доброе утро, красавицы! – басистый голос папы развеял последнюю дрему, разрушая магию сонного утра, – что у нас сегодня на завтрак?

– Твои любимые сырники, – заулыбалась мама, накладывая папе полную тарелку.

– Вот это я понимаю, – уперев руки в бока, гаркнул он, – моя любимая жена! – его большая рука потянулась к маме и, взяв ее в охапку, он притянул ее хрупкую фигуру ближе и поцеловал.

Оксана смотрела на них с умилением, сглатывая подкатившую к горлу грусть. Когда прибежала ее сестра, кухня снова наполнилась нескончаемыми голосами, жарки добрыми спорами и обсуждениями предстоящего нового года, который наступит через два месяца.

– Еще так долго, – проныла Катя, – вот бы он наступил завтра, этот новый год.

На моем лице появилась снисходительная печальная улыбка. Ведь в каком-то смысле для них завтра он и наступит. Новый год. Новая грустная жизнь.

– Вы подумали насчет домика? – с надеждой в голосе спросила Оксана.

– Еще рано об этом думать, малыш. Давай потом, – сказала мама, прожёвывая сладкий кусок.

Девушка сникла, но старалась не подавать виду. Она слушала разговоры домашних, даже иногда присоединилась к беседе, но ее мысли все время возвращались к запакованному конверту, лежащему у нее в сумке.

Кухня опустела, погрузившись во мрак, когда все домоладцы разошлись по своим комнатам, собираясь кто куда.

Оксана сидела на кровати, опустив руки вниз, и беспокойно глядя, как первые лучи солнца освещают темное синее небо, словно размывая его водой. На душе было слишком тяжело, чтобы оформить чувства в слова. Она понимала, что все, что происходит – неправильно. Что Саша не должен был отправлять ее так далеко, даже не предложив съездить вместе. Впервые она почувствовала себя его игрушкой, марионеткой, которой можно легко управлять.

В ее сердце поднялась злость. Мимолетный порыв чуть не заставил ее схватить телефон и отправить Саше гневно сообщение, в котором она бы высказала ему все, что накопилось за это время. Но робкий стук в дверь, разбил на части ее слишком хрупкую новорожденную решимость.

– Войдите! – громко крикнула Оксана, чувствуя, что ее злость куда-то ускользает.

– Не опаздывай сегодня, хорошо? – маленькая головка показалась из-за двери, – вечером приготовлю что-то особенное, – мама стояла в проходе и смотрела на свою дочь, не замечая, что внутри у нее сгорает мир, – люблю тебя, – коротко бросила она, не дожидаясь ответа, и быстро исчезла за закрытой дверью.

– И я тебя, – прошептала Оксана, потянувшись к сумке, из которой торчал конверт, – ладно, поговорю с ним потом.

Все как обычно разошлись по своим делам, а Оксана, дождавшись, когда все уйдут, закуталась в теплый шарф и уже на пороге услышала, как поскуливает Шанежка.

– Ну ты чего? – жалобно пропела она, наклоняясь к своей любимице, – я скоро вернусь.

Но Шанежка упрямо скулила, царапая Оксану своей маленькой лапкой. Мне стало очень больно. Я чувствовала, как маленькое собачье сердечко бьется в крошечной груди. Сердечко полное любви. Совсем маленькое, но такое большое, чтобы испытывать настоящие человеческие чувства.

– Я скоро вернусь, – повторила Оксана, поцеловав Шанежку в макушку, – ты не успеешь соскучиться.

Она вышла за дверь, и как только ключ в замке повернулся, издав плаксивый щелчок, Шанежка забегала по комнате, пытаясь заставить хозяйку вернуться. Мне хотелось помочь ей, облегчить ее страдания, но я знала, что не смогу. Ведь тот, кто любит, непременно подвергает свое сердце опасности испытать неимоверную боль, если когда-нибудь потеряет того, ради кого он решился стать уязвимым. Даже если этот кто-то обычная маленькая собачка.

Выйдя из подъезда, девушка на секунду замешкалась. Прикрыв глаза от назойливых снежинок, стремящихся залепить их, она встала на распутье и задумалась. Дорога направо, как всегда, вела ее на остановку, от которой ехал трамвай до колледжа. Хоть эта тропинка была погребена под небольшой насыпью снега, Оксана чувствовала в ней что-то родное, свое, что звало ее вперед. Дорога же налево была для нее совершенно чужой, неизведанной. Она вела к центру города, от которого можно было добраться до вокзала, где она долж-

на была сесть на электричку и отправится загород по поручению Саши.

Оксана сжала свои маленькие кулачки, чувствував, как ткань кармана охлаждает кожу. Перчаток она не взяла, а куртка вряд ли ее защитит от первого морозного утра. Она подняла голову к небу и высунула язык как в детстве, ловя им снежинки. Но несмотря на обильный снегопад, снежинки летели мимо, лишь маленькие крошечные капельки приземлялись на разгоряченную плоть, тут же растворяясь как на сковороде.

Засунув подбородок как можно глубже в шарф, она свернула налево, бредя по неизвестной и совершенно чужой дорожке. Я следовала за ней, наступая на ее следы, как будто боялась, что меня кто-то может заметить. Я не хотела читать ее мысли, хотя это было сделать очень легко, но я хотела, чтобы она осталась наедине с собой. Ведь кому хочется, чтобы в его голове капался чужак.

Оксана шла нервно, подергивая плечом, и все время доставала телефон, проверяя не пришло ли от Саши очередное сообщение. Он прислал ей несколько коротких фраз, в который писал, что хозяин будет ждать ее там-то, и нужно просто передать ему конверт, а Саша уже обо всем договорился. Она с новой силой почувствовала себя инструментом в его руках, но сил что-то менять у нее уже не было. Ведь они с Сашей прошли уже такой большой путь, глупо было все останавливать из-за ее предрассудков.

Хоть на улице уже посветлело, посеревшее небо едва ли освещало оживленные улицы. Все казалось каким-то грустным и убогим, и падавшие с неба снежинки уже не имели такой магии как ночью.

Добравшись до вокзала, Оксана купила себе один билет и начала дожидаться поезда. Он придет только через час, а заняться ей было особо нечем. Она набрала сообщение своим подружкам, претворяясь, что тяжело заболела, поэтому пропустит сегодняшние занятия, и, чтобы побороть непреодолимую тоску, начала пальцем листать видео за видео, погружаясь в сети интернета.

Я с любопытством смотрела в ее экран, желая понять, что же такого интересного ее там привлекает, но поняв, что смысла в этом бесконечном потоке свайпов ровно столько же, сколько было в бесполезных попытках Оксаны изменить Сашу, я спокойно села рядом и ждала поезда.

Какой-то полупьяный мужчина решил пофлиртовать с моей подопечной и уселся рядом с ней, прямо на меня. Я почувствовала зловонный запах спирта и тут же ткнула мужчину прямо в печень. Его широкая, кривая улыбка сразу улетучилась, как только он ощутил рвотный порыв, поднимающийся из его бесконечной алкогольной воронки. Как ошпаренный, он побежал к ближайшему туалету, но что-то подсказывает мне, что он до него так и не добрался.

Услышав номер своей электрички, Оксана лениво поднялась с места и побрела к нужной платформе. Снег только уси-

лился, застилая весь мир. Она с трудом разглядела приближающийся поезд и со скрипом в душе вошла в вагон. Народу было немного, так как час пик был уже позади, и теперь только редкие люди возвращались домой из крупного города.

Я заметила, что Оксанино тело стало еще бледнее. Его едва уловимые очертания в моем мире говорили о том, что ее час уже почти настал. Я даже не могла представить, что может ее ожидать. Авария? Убийство? Несчастный случай?

Вы спросите меня, почему я это не остановлю? Почему не предупрежу? Почему не попробую сказать, что ее ждет? Поверьте мне, я пыталась. Много раз, раз за разом приходя за чьей-то душой. Но все бесполезно. Против этой системы не пройти. Тот, кому суждено умереть, никогда не избежит своей участи.

Я села напротив нее возле окна, чтобы смотреть на покрывшееся узором стекло и гадать, где же оборвется ее жизнь. Хорошо, что я бестелесна. А то, если бы я была в своем теле, меня бы тут же замутило от езды спиной. Интересно, как я там поживаю? Я даже себе завидую. Мое тело отдыхает, пока я активно работаю.

Путь до поселка был неблизкий, около полутора часов, и я не понимаю, как Оксана согласилась на подобную авантюру? Как позволила уговорить себя поехать к черту на рога ради прихоти Саши? Хоть она и сама искренне хотела снять этот прекрасный домик, оставивший в ее памяти лишь при-

ятные воспоминания, ехать туда было не совсем разумно и даже немного опасно. Ведь в ноябре рано темнеет, а места там едва можно было бы назвать многолюдными. Но Оксана всеми силами старалась ни о чем не думать, надеясь, что все пройдет быстро и скоро она вернется домой.

Правда, как только она подумала о том количестве домашних, которую ей придется сделать в отработку прогула, на душе стало совсем не по волшебному снежно. Ее красивое молодое лицо окрасилось в мрачные тона, которые придали ей угловатости, какой-то уродливой неровности. Мне жаль, что именно в таких эмоциях она закончит свой жизненный путь.

Электричка тряслась из стороны в сторону, создавая неприятные вибрации, и я видела, как в какой-то момент Оксана побледнела, чувствуя приступ тошноты. Но неожиданное сообщение от Саши сместило спектр ее внимания.

«Ты доехала?» – гласило пустое безэмоциональное сообщение.

«Еще нет», – стараясь звучать как можно дружелюбнее, написала Оксана, хотя на душе у нее уже играла во всю зима.

«Долго ты. Вдруг арендодатель не дождется? Ты не могла выйти пораньше?» – напирал он, стараясь привить ей чувство вины.

«Не могла», – коротко ответила она, засунув телефон в карман, не желая больше читать его сообщения.

Она молча ехала, иногда вздыхая, безжизненно опустив руки вниз. Прижавшись лицом к холодному стеклу, Оксана

на подула на морозное полотно, и на образовавшейся запотелости нарисовала сердечко и тут же стерла. Все ее мысли блуждали в воспоминаниях, никак не желая переключаться на настоящие и сталкиваться с суровой реальностью. Но когда она наконец-то почувствовала тот запоздалый щелчок в сердце, она приняла решение доехать до конечной станции и вернуться обратно. Ее сердце наполнилось такой яркой решимостью, а на щеках появился небольшой румянец.

Через пол часа поезд резко затормозил, и Оксана чуть не улетела вперед. Я сама удивилась, как в наше время еще могут курсировать такие никуда не годные развалюхи.

Оксана вышла на перрон, сразу почувствовав холодный морозный ветер, ударивший в лицо. Было уже около двух часов, и солнце уже медленно клонилось к горизонту, и она слышала, как в животе заурчало. Не раздумывая, Оксана заскочила в ближайшую привокзальную кафешку и заказала себе кофе с булочкой.

Сидя у окна, она разглядывала полупустой перрон, радуясь тому, что скоро снова поедет домой. Ей нравилось это место, и ей было действительно жаль, что ее прекрасные теплые воспоминания омрачаются тем гадким чувством, которое он заставил ее испытывать. Она думала, какая же она была дуручка, что так слепо ему верила.

Тут телефон издал пронзительный вибрирующий звук. На экране высветилось столь любимое до этого имя, но в этот раз Оксану охватил какой-то страх. Она была совершенно не

готова к этому звонку и боялась, что окончательно лишится своей решимости.

– Привет, любимая! – раздался приторно сладкий голос, – че не отвечаешь?

– Не видела твоих сообщений, – коротко ответила она, чувствуя, как губы начинают предательски дрожать.

– Ты уже на месте? – в его голосе слышалось раздраженное нетерпение.

– Да, но я сейчас поеду домой, – как можно небрежнее ответила она.

– В смысле? А как же домик? – Саша, казалось, не верил своим ушам.

– Не уверена, что хочу этот дом, – Оксана отвернулась от трубки, стараясь скрыть свое шмыганье носом.

– Не дури, – раздраженно сказал Саша, – я так долго зарабатывал нам на дом. Че это ты передумала?

– Просто не хочу, – не желая пояснять, сказала она.

– Давай так, – на секунду замолчав, он продолжил, – ты передашь деньги человеку, а потом мы решим ехать или нет.

Сомнения закрались в сердце девушки, и она начала понимать, что дело не в доме.

– Дело же не в доме так? – теряя самообладание, нервно спросила Оксана, – ты опять меня обманываешь!

– Нет! – громко крикнул он, и Оксана даже отстранилась от трубки, почувствовав звон в ухе.

– Конечно, не обманываю! – чуть ли не оглушил ее Саша,

– слушай, эти деньги правда за дом. И я знаю, каким я был идиотом, но прошу, дай мне еще один шанс. Окси, – он так жалобно протянул ее имя, и она ощутила, как второй раз за сутки ее сердце разбивается на несколько кусков, заставляя чувствовать долгую ноющую боль, – это наше будущее. Наша семья.

Слушая его, я закатывала глаза. Он определенно знал, на что надо давить, и, судя по каменному выражению лица Оксаны, его давление достигло цели.

– Ладно, – коротко бросила она и положила трубку, боясь расплакаться.

Я вновь увидела, как ее тело стало еще бледнее. Ее час уже близко. И я ничего не могу поделать.

Оксана посмотрела на свое отражение в пластмассовом стаканчике с остывшим кофе и резко дунула на и так холодный напиток, чтоб круги по воде размыли ее отражение. Вылив оставшуюся жижу в раковину неподалеку, она вышла на перрон и отправилась к выходу.

Становилось темно, и на станции заметно прибавилось людей, которые то и дело возвращались с работы. Оксана старалась избегать толпы, поэтому юркнула на мало проходную тропинку и пешком направилась в сторону СНТ. Дорога проходила через небольшой парк, больше похожий на лес. Голые деревья колошились от морозного ветра, издавая жалобные воющие звуки. Оксана поежилась от страха и крепко сжала свой телефон. Дорога должна была занять минут

тридцать, и девушка заметно ускорила шаг, лишь бы не чувствовать чье-то присутствие.

Должна вас успокоить, никого поблизости не было. Это был всего лишь ее страх, который рисовал ей картинки далекие от реальности. Впереди засияли огоньки от маленьких домиков, и Оксана, обрадовавшись их теплоте, немного замедлилась, наслаждаясь видом. По периметру СНТ был высокий забор, скрывавший от постороннего взгляда все богатства или бедность его обитателей. Оксана ступала по непротоптанной тропинке, стараясь как можно меньше тонуть в снегу, но ей никак не удавалось, и вскоре ее ноги были уже промокшими практически до нитки. И ее виселось испарилась.

Холод прошиб ее, и ей сразу же захотелось домой. Наконец, дойдя до ворот, она подошла к ним вплотную, дожидаясь, что кто-то их откроет. Но никого рядом не было. Через железные прутья Оксана смотрела на пустынную дорогу, на которой было пусто. Обычно эти ворота открывают сами жильцы, но куда же пропал хозяин домика?

Девушка помялась у ворот, стараясь размять окоченевшие ноги. Ходя туда-сюда, она нервно глядела в разные стороны в поисках хоть кого-то. Достав телефон, она набрала Сашу, но он не поднимал трубку. Тогда Оксана решила обойти забор с другой стороны и попробовать войти в другие ворота. Пробираясь по сугробам, она намочила свои джинсы, и теперь ее тело холодело еще сильнее. Ей было страшно, но

больше всего ей было обидно, обидно за то, что она проделала такой долгий путь.

Дойдя до вторых ворот, Оксана так же никого не нашла. Она стояла на месте, словно статуя, и набирала Сашу снова и снова, но безрезультатно. В конце концов, она психанула и пошла обратно к первым воротам, чтобы оттуда уже вернуться на вокзал.

Солнце уже село. Сквозь непроглядную тьму, огоньки СНТ были тем единственным, что освещало ее путь. Стараясь наступать на свои же следы, Оксана едва не споткнулась и не упала, но смогла сохранить равновесие. Слезы обиды обжигали ее лицо. Почему Саша не брал трубку? Что ей теперь делать?

Ксюша засунула руки в сумку и сжала проклятый конверт с деньгами. Она сжимала его так сильно, что ей показалось, деньги внутри закричали. Дорога за воротами была так же безлюдна, когда она вернулась назад. Ксюша голыми руками взялась за холодные прутья и просунула голову в отверстие, стараясь хоть кого-то разглядеть. Сзади появился свет словно от фар.

– Девушка! – раздался громкий глухой голос.

Она резко развернулась и испуганно посмотрела перед собой. В глаза ей бил яркий свет, который отравлял своей желтизной.

– Давайте мы вас подвезем! – настойчиво сказал парень.

Оксана не видела его, но почувствовала, как сердце заби-

лось чаще. Ее словно парализовало, когда темная фигура, освещаемая фарами, начала двигаться в ее сторону.

– Нет. Спасибо, – дрожащим голосом сказала Оксана, но резкий удар прямо в челюсть, заставил ее на миг отключиться.

Боль пронзила все ее тело, и я почувствовала, как закричала ее душа. Времени не оставалось. Конец был уже близок. Я стояла рядом и ничего не могла сделать. Оксана повалилась на пол, но сильные грубые руки подхватили ее и потащили к машине, сорвав с нее сумку и пренебрежительно кинув ее на заднее сидение.

Дверь в машину закрылась, издав громкий щелчок, и мотор взревел, заставив Оксану прийти в себя. Во рту был привкус крови, а каждая попытка пошевелить челюстью оборачивалась приступом боли. Она лежала на сиденье и жалобно стонала, пытаясь понять, что происходит.

– Вот день, – коротко сказал парень.

– Пересчитай! – приказал другой, который уже вел машину в неизвестном направлении.

– Все четко. Как и договаривались, – голос того, что ударил Оксану заметно повеселел, – наконец-то деньги у нас. Что будем делать с этой? – он пренебрежительно кивнул в сторону девушки, у которой из глаз текли горячие слезы.

Я сидела внутри, стараясь хоть как-то облегчить ее боль своими касаниями, но ее душа, почувствовав меня, начала яростно метаться по телу, не желая, чтобы земная оболочка

умирала. Я видела, как бледное Оксанино тело просвечивает настолько, что превращается в своего рода пузырь, внутри которого бьется обезумевшая душа.

– Избавимся от нее. Она слишком много знает, – бездушно ответил водитель.

– Ок, – ударивший зажевал жвачку и врубил музыку.

Тяжелая мелодия матерных песен проникла в Оксану словно иголка. Ей казалось, что она мечется по сиденью изо всех сил, стараясь выбраться, на самом же деле ее еле заметные движения никак не спасли бы ее.

Внутри у меня что-то щелкнуло. Времени осталось немного. Я посмотрела на девушку и приложила руку к ее сердцу. Душа на мгновение замерла.

– Не бойся, – тихо сказала я, – умирать всегда страшно, но я здесь, чтобы ты знала, что проходишь через это не одна. Я разделю с тобой этот миг.

Машина двигалась около двадцати минут, когда, наконец, приглушив фары, въехала на какую-то никем неизведанную дорогу. Осторожно нажав на тормоза, машина бесшумно остановилась.

Двое вышли из машины, и я увидела, как поднимается крышка багажника.

– Потерпи, – прошептала я, поглаживая Оксану, – осталось совсем немного.

Дверь у ее ног отворилась, и один из парней бесцеремонно дернул Оксану за ноги, вытащив ее наружу. Она упала на

холодную землю лицом в снег, и боль накатила на нее с новой волной.

– Ты стой здесь и следи, чтобы никого не было. А я займусь девчонкой, – голос водителя был грубым, прокуреным, немного осипшим, и я наконец увидела его лицо, когда второй перекинул Оксанино тело через плечо.

Водитель зашагал в лес, скрываясь в ночной тьме. Он был среднего возраста, плотного телосложения, не худой и не толстый. Его лицо обтягивала рыхлая кожа, а губы, потрескавшиеся по краям, вытянулись в струну. В его безжизненных пустых глазах не отражалось ничего кроме раздражения. Несколько раз выругавшись на Оксану, которая стонала от боли, он словно медведь протаптывал себе путь во тьму.

Все это время девушка болталась у него на плече из стороны в сторону, словно маятник. Она уже не понимала, что происходит. Дойдя до только одному ему известного места, он словно мешок скинул ее на землю, а сам полез на дерево, завязывая на нем веревку.

Я почувствовала холод. Холод внутри. В моей душе. Когда он взял Оксану и обмотал вокруг ее шеи «красный шарф», я отвернулась, не желая смотреть на происходящее. Если бы вы знали, сколько раз я видела, как умирают люди. Десятки. Сотни. Вы бы поняли, что к такому не привыкаешь. Я слышала, как она издавала последний хрип. Слышала, как у нее перехватывает дыхание. И я слышала, как кричит ее душа.

Открою вам тайну. Ни одна смерть не проходит безболез-

ненно. Мы рождаемся с болью и умираем с ней же. Просто об этом не принято говорить. Чтобы человек обманывал себя прекрасным неведением. Вот и сейчас я чувствую, как Оксанина душа бьется об пузырь ее физического тела. Как она, словно младенец, пытается вырваться наружу, колотя во все стороны, прижимаясь своими невесомыми ручками к своей уже умершей оболочке.

Услышав последний вздох, я повернулась. Рядом уже никого не было, лишь звук скрипучего снега шептал о том, что здесь кто-то был.

Наступила гробовая тишина. Ни звука. Только шелест листьев нарушал ее. Я была совсем одна. Я, мертвое тело и бытие.

Знаете, что меня всегда поражало в такие моменты? Как мимолетно, беззаботно и спокойно текла жизнь. Как все так же дул беззаботный ветер, играя с оставшимися листьями. Как маленькие птички, вцепившись в ветку, чтобы их не сдуло, плотно прижались друг к другу и даже не проснулись от последних предсмертных всхлипов молодой девушки. Как равнодушно светят с неба звезды. Как продолжается жизнь, как будто ты для нее совершенно ничего не значишь. Как будто ты пустое место.

Оксанина душа успокоилась, и я медленно подошла поближе. Я внимательно слушала ее, слушала, когда же она будет готова. Я не могу ее вытащить без ее разрешения. Душа, это как ребенок в чреве матери. Нельзя насильно вырвать

ее из безопасного места иначе можно повредить. Я закрыла глаза и через пару секунд протянула к Оксаниному затылку правую руку, осторожно взявшись за место шеи. Мысленно просив разрешение и получив согласие, я осторожно прижалась к затылку и медленно вытащила из тела еще горячую душу.

Тишину нарушил резкий крик. Крик только что рожденного младенца.

Если вы думаете, что после смерти вас ждет покой и умиротворение, то вы глубоко ошибаетесь. Только что освободившаяся душа от дикой боли корчится на белом снегу. Вы скажите, душа не чувствует боли. И вы правы. Это воспоминания тела. Его предсмертные чувства, страхи и ужас.

Я смотрю, как ее руки пытаются зацепиться за снег, но он проходит сквозь ее бестелесные кисти.

– Нет! – кричит она, но крик тает в шуме ветра и шелесте голых деревьев.

Побившись в конвульсиях, она успокоилась, а я сняла с себя алый плащ и накинула поверх ее обнаженной души. Это не просто какая-то одежда, чтобы скрыть наготу. Душе не нужно облачать себя в одежды. Это накидка, которая на время формирует между нами связь, не давая душе сбежать. Да, такое тоже бывает, не все души готовы мириться со своей участью.

– Что со мной? – вымученно спросила Оксана.

– Тебя только что убили, – коротко ответила я, показывая

на ее тело.

Она приподнялась и замерла в ужасе. Девушка смотрела на себя и не могла поверить своим глазам.

– Тебя больше нет, – я не знала, что будет дальше, какой будет ее реакция, поэтому я спокойно отошла и дала ей свободу.

Оксана спокойно встала и медленно, шаг за шагом, сокращала расстояние между собой и своим телом. Она увидела, как с опущенной головы стекает кровь, окрашивая в ярко-алый первый белый снег. Она попыталась коснуться щеки, но замерла на пол пути.

– Мне больше никогда не попасть домой, – только и сказала она, попытавшись заплакать, но слезы никак не лились.

– Души не могут плакать. Ты можешь чувствовать скорбь, другие эмоции, но никаких физических проявлений. У тебя больше нет тела, – пояснила я, подходя поближе и, протянув руку, прошла сквозь ее тело.

– Ты смерть? – она недоверчиво посмотрела на меня, чем вызвала лишь улыбку.

– Нет, я на нее работаю. Что-то типа наемная смерть, – попыталась пошутить я, но Оксана лишь погрустнела.

– Что будет дальше? – спросила она, чувствуя страх, зарождавшийся внутри.

Я глубоко вздохнула. Мне не нравилось объяснять душам, что и как будет происходить дальше. Мне не хотелось выслушивать их стенания или кинутые в сторону убийц прокля-

тия. Все это я уже видела раньше. Как только души покидают свои тела, моя жалость к ним пропадает. Не знаю, что это. Может это специальная опция для смерти, чтобы не сойти с ума, а может это просто стало обыденностью, и с появлением рядом со мной души, я больше не считаю ее невинной. Кто знает.

– Ты можешь в течении суток быть рядом со мной и делать все, что тебе захочется, чтобы привыкнуть к этому миру. Затем я отпущу тебя в свободное плавание, и ты сама будешь решать, уходить ли тебе из этого мира или остаться тут навсегда.

– А куда уходить? – печально спросила она.

Я пожала плечами.

– То есть ты не знаешь? Ты же смерть?

– Я смерть по контракту. Ничего общего с настоящей смертью. Я даже не знаю, существует ли она на самом деле, а уж куда отправляются души, мне точно никто не докладывает.

Я резко развернулась, не желая отвечать на бесполезные вопросы, и пошла прочь.

– Стой. Куда ты? – крикнула она.

– Ты хочешь остаться здесь навсегда? – теряя терпение, сказала я.

– А что будет с моим телом?

– Это уже не наша забота. Может быть его найдут, может нет. Мы ничего не можем сделать. Теперь мы можем только

наблюдать.

Я подождала, пока борьба внутри нее сменится принятием. Она осторожно подошла к себе в последний раз и попыталась обнять, хоть и знала, что это бесполезно. Между ней и телом все еще была связь. Она была еле ощутима, но я видела ее. Маленькое бледное свечение, которое не давало Оксане уйти. Ей нужно было разорвать эту связь, иначе она будет привязана к телу навсегда.

– Тебе нужно отпустить его, – сказала я, понимая, что она тоже это чувствует, – свое тело. Иначе не сможешь уйти.

– Как это сделать? – спросила она, все еще глядя на себя.

– Тебе нужно надеть капюшон и просто пойти со мной. Когда ты окажешься достаточно далеко, твое тело не сможет призывать тебя, и связь разорвется. Ты больше никогда не сможешь его найти.

– Почему? – спросила она, чувствуя, как ей не хочется уходить, не хочется терять с собой связь, не хочется признавать, что ее жизнь окончена.

– Душа должна быть свободна, иначе она погибнет. Сгниет, как и тело. Тогда она исчезнет навсегда и уже никогда не переродится.

Я все еще не двигалась, терпеливо ожидая, когда Оксана примет свое самое важное решение. Немного погодя, она наконец надела на себя капюшон и, резко развернувшись, направилась в мою сторону.

– Только не оглядывайся, – сказала я, напряженно шагая

вперед и боясь пошевелиться, будто за нами следят дикие животные, которые готовы кинуться и разорвать нас на мелкие части, — я знаю, что это желание очень сильное.

— Откуда? — недовольно спросила она, борясь с непреодолимым желанием посмотреть назад, — ты же не умирала!

— Откуда ты знаешь? — удивленно спросила я, хотя уже знала ответ.

— От тебя пахнет жизнью, — с завистью сказала Оксана, сжав руки в кулаки.

Ее душу трясло. Если бы у нее было тело, то она могла бы сказать, что его словно выворачивает наизнанку, перемалывая все его внутренности. Она чувствовала жжение на несуществующей коже и пульсацию в голове, которой уже давно не было.

Дойдя до дороги, она ощутила, как внутри нее лопнула невидимая струна. Она резко напряглась, и в один момент наступило облегчение. И все тело наполнилось легкостью и великим спокойствием. Она глубоко вдохнула и сняла с себя капюшон. Отвратительный привкус смерти тут же испарился, уступив место огромному желанию жить.

— Отпустило? — не глядя на нее, спросила я.

— Еще как! — заулыбалась она, — такое волшебное необычное чувство, как будто я парю.

— В какой-то мере так и есть. Тело всего лишь якорь, который не дает душе почувствовать всю свободу и покой.

— Ты тоже это чувствуешь? — дружелюбно спросила она.

От ее раздражения не осталось и следа. Только всепоглощающее спокойствие и доброта, но я знала, что это обманчивое чувство, которое согревает тебя до тех пор, пока ты не увидишь все последствия твоей смерти.

– Нет. У меня есть тело. Я обычный человек, – буркнула я, позавидовав ей.

Конечно, звучит абсурдно. Как можно завидовать мертвому, который прошел через столько страданий, но иногда мне бы хотелось почувствовать то спокойствие, которое чувствуют они, чтобы жить стало легче.

– А как ты работаешь смертью? – с любопытством спросила она.

– Не будем терять времени, – отмахнулась я от нее, не желая тратить драгоценные минуты.

Когда я нахожусь вне тела слишком долго, я чувствую, словно под моей невидимой кожей бегают тысячи жучков, заставляя чувствовать беспокойство. Мне хочется чесаться, вырваться наружу, содрать с себя все и вернуться домой, туда, где я в безопасности. По крайней мере, где в безопасности моя душа.

– Куда ты хочешь пойти? – спросила я, – это дурацкий вопрос, но просто прислушайся к себе и пойми, что бы ты хотела увидеть.

Оксана задумалась, внимательно разглядывая дорогу. У нее вспышкой мелькали уже потускневшие кадры ее последнего дня. И она осознала, как спокойствие уступает злости,

когда вспомнила, как чей-то кулак беспричинно ударил ее по лицу.

– За что меня убили? – злобно прошипела она.

– Хочешь узнать? – Оксана молчаливо кивнула, посмотрев на меня глазами полными решительности, – ответ у тебя внутри, – я протянула ей руку, – возьми меня за руку, сосредоточься и отправляйся туда, где находятся твои убийцы.

Оксана, не раздумывая, схватила меня за руку, и мы перенеслись в полуподвальное помещение. В воздухе витал дым. Тусклый свет едва ли освещал все вокруг, а единственная мигающая лампочка озаряла стол, стоящий прямо в центре. Он был завален окурками, банками из-под пива, и на нем лежал тот самый конверт, который Саша дал ей.

Она молчаливо подошла поближе и прикоснулась к конверту. Хотя она и не чувствовала его, она понимала, что это и была причина ее смерти.

– Все прошло гладко. Ну как мерзко она ныла. Словно свинья, – откуда-то сверху раздался гнусный смех.

Она резко обернулась и увидела, как в комнату вошли они. Те самые люди, которые лишили ее жизни. От них пахло сигаретами, пивом, человеческим дерьмом и кровью. Она смотрела на них и чувствовала рвотный рефлекс. Они, смеясь, подошли к столу, и ее убийца плюхнулся на стул, закину ноги на край полуразвалившегося стола.

– Все деньги на месте? – скучающе сказал он, пытаясь подавить приступ зевания.

– Да, – коротко ответил второй, засунув в зубы сигарету, – наберу этого гондона.

– Давай! – одобряюще сказал убийца, словно пережевывая что-то.

Оксану странно передернуло, как только телефон поставили на громкую.

– Ну привет! – весело спросил второй, когда в трубке прекратились гудки, – Все-таки нашел деньги! Надо было тебе сломать челюсть, может нашлись бы быстрее.

– Отстаньте от меня! Я все вернул! – взвыл знакомый голос, и Оксану словно ударило током.

На том конце провода был голос Саши.

– Где Оксана? – обеспокоенно спросил он.

– Девка то? А че ты послал ее, а не пришел сам? Зассал? – дикий гогот поднялся в комнате, и от этого атмосфера казалась еще более омерзительной.

– Где она? – повторил Саша, явно нервничая.

– Нигде. Висит в лесу бедняга. Лишилась жизни из-за возлюбленного, – он отвернулся и харкнул в сторону, словно Оксана была чем-то мерзким, от чего хотелось избавиться.

– Что? – дико закричал он, – что вы наделали? Зачем вы ее убили?

Убийца выхватил трубку и громким голосом заорал.

– Заткнись и слушай. Тебя предупреждали и не раз. Не надо было с нами играть. Твоя сука погибла из-за тебя. Это предупреждение. В следующий раз висеть в лесу будешь ты.

Понял? – не дожидаясь ответа, он выключил трубку и кинул телефон на стол, – урод!

– В следующий раз будет знать! – второй выпустил в воздух струйку дыма и громко заржал.

Оксане стало холодно, так холодно, как не было никогда. Ее душу словно вымазали в грязи, запятнав этим отвратительным смехом над ее собственной жизнью. Жизнью, которую ей не дали даже прочувствовать.

– Мы можем уйти отсюда? – прошептала она, пытаясь проглотить ком от фантомных слез.

Хоть души и не умеют плакать, они все еще имеют телесную память, которая помогает им помнить разные проявления их прошлой жизни.

— Конечно, – спокойно ответила я, чувствуя, как мне хочется засунуть сигареты прямо в горло этим уродам и смотреть, как они задыхаются.

Я ничего не могу сделать. А если бы могла, стала бы? Я же всего лишь исполнитель. Могу ли я быть палачом? И кто вообще решает, кто жертва, а кто убийца?

– Куда ты хочешь? – быстро сказала я, вырывая себя из этих нескончаемых философских вопросов, которые с каждым разом все сильнее вцепляются в мое сознание.

– Я хочу домой, – Оксана посмотрела на меня своими печальными глазами, и мне стало не по себе от ее взгляда.

Я видела десятки людей, десятки смертей, но почему-то в этот момент, мне ее было жаль намного больше, чем преды-

дущих. За годы работы начинаешь привыкать к смерти. Тебя уже не пугает раздавленное тело на дороге, которое только что переехал грузовик, или тело с множественными ножевыми ранениями. Ты смотришь на это так, словно ты повар, а перед тобой очередное пирожное, от вида которого тебя просто мутит, но только из-за того, что ты уже наелся ими до отвала.

Но Оксана. В ней было что-то другое. Я понимала, что она попросится домой, но при одном представлении о том, что я могу увидеть у нее дома, меня начинает мутить.

– Пошли, – я протянула ей руку, стараясь выглядеть как можно невозмутимее, хотя если бы я не была эфемерной, мои руки тряслись бы в неровном танце.

Она молчаливо протянула мне руку и вцепилась в меня так сильно, словно боялась потерять. Я закрыла глаза, и пространство перед нами исказилось, переместив нас в ее квартиру.

В ней царила жизнь. Но не та приятная и радужная, от которой в груди радостно бьется сердце. А хаотичная, суматошная, страшная, на грани безумия. Оксанины родители бегали по комнатам, набирая снова и снова ее номер, и снова и снова получая в ответ беспощадные гудки.

– Ее подружки сказали, что ее не было в колледже, – еле слышно шептала мама своим содрогающимся голосом.

После очередной попытки она бессильно скатилась на диван и уставилась перед собой. Внутри у нее была пустота, пу-

стота в пересмешку с бессилием. Если вы думаете, что знаете, что такое бессилие, то вы ошибаетесь. Это не то обыденное бессилие, которое появляется, когда мы получили двойку и ничего не можем сделать, или потеряли работу, и нам кажется, что жизнь закончена. Я вам открою секрет. Это не бессилие, это растерянность.

Бессилие, это когда ты сидишь в комнате, смотришь перед собой и понимаешь, что от тебя в этом мире ничего не зависит, что ты все уже испробовал, и единственное, что у тебя есть сейчас, это лишь пустота, пустота, которая поглощает твоё сердце и забирает надежду.

Оксанина мама сидела и не могла пошевелиться. Она просто не верила в реальность происходящего. Её ребенок пропал, и она знала, что что-то случилось.

– Я позвонил Саше, – коротко бросил отец, стараясь держать себя в руках хотя бы ради мамы, – он сказал, что она собиралась за город, чтобы снять домик. Но больше он ничего не знает. Она ему не отвечает.

– С ней что-то случилось, – прошептала мертвыми губами мама, – с ней что-то случилось, понимаешь? Я это чувствую! С моим ребенком что-то случилось! – она закрыла лицо руками и дала волю громким рыданиям, разрывающим её грудную клетку.

Катя в это время стояла возле двери в комнату, прячась за дверной косяк и боясь войти. Ей не было страшно. Она едва ли понимала, что происходит, но, видя маму в таком

состоянии, ей захотелось спрятаться, стать меньше или того лучше, упасть в обморок, притвориться больной, чтобы мама перестала плакать и отвлеклась на нее.

– Иди к себе! – строго приказал отец, увидев Катю, – не видишь? Не до тебя сейчас! Быстро к себе.

Девочка испугалась и, всхлипнув, помчалась к себе, где упала на кровать и, зарывшись в подушки, заплакала.

Шанежка безмолвно лежала в углу и поглядывала на хозяев. Она уже знала, что Оксаны нет в живых, но она понимала, что их встреча еще случится. И как только она заметила ее, она тут же завиляла хвостом, но не сдвинулась с места. Животные не такие уж и глупые, и Шанежка понимала, что она не может выдать Оксанино присутствие.

– Привет, Шаня! – радостно воскликнула Оксана и нагнулась, чтобы погладить свою любимую собачку.

Шанежка потерлась о ее неощутимую ручку и попыталась лизнуть воздух.

– Щекотно! – по привычке засмеялась девушка, но как только поняла, что ничего не чувствует, она погрустнела, и мне показалось, что ее очертания стали бледнее.

– Я звоню в полицию! – сказал папа и, сжав телефон, вышел на кухню, чтобы не травмировать свою супругу.

– Бедная моя мамочка, – Оксана медленно подошла к маме и села рядом.

Она смотрела, как с впалых маминых щек ей на платье капали тяжелые горячие слезы, как ее всхлипывания станови-

лись все тише, лишая ее последних сил. Глаза наполнились кровью и под ними появились припухлости, которые делали маму еще более бледной и болезненной. Она пыталась сдерживать дрожь, но у нее не получалось.

– Что теперь с ними будет? – тихо спросила Оксана, боясь потревожить маму.

– Они будут страдать, – бездушно ответила я, понимая, что так оно и будет.

Она подняла на меня свои большие глаза полные злости.

– Как ты можешь быть такой бездушной?

Она думала, что сделает мне больно своими словами. Но она ошибалась.

– А ты хотела бы, чтобы я тебе соврала? Ты и сама знаешь ответ. В такой семье как у тебя не будет иначе.

Я подошла ближе и села с другой стороны мамы. Я заглянула ей в лицо и положила руку на плечо. Ее душа почувствовала меня и замерла.

– Не бойся, – сказала я, поглаживая тело, – я пришла не за тобой.

Она снова ожила и продолжила плакать. Оксана с непониманием кинула в меня острый взгляд.

– Души чувствуют меня, – коротко ответила я, убрав свою руку.

– Почему ты вообще связалась с этим Сашей? Неужели ты не понимала, к чему это приведет? – Оксана резко отвернулась, не желая слушать, – ты же все прекрасно видела. Ты

знала, какими делами он занимается, и что он тобой манипулирует. Дак почему?

– Тебе не понять, – пробубнила она, – я его любила. А когда любишь, сделаешь для любимого что угодно.

– Я еще как понимаю. Уж поверь. У меня была такая же ситуация, но знаешь, чем мы с тобой отличаемся? – Оксана никак не реагировала, она смотрела в окно, – я осталась жива, а твое тело болтается там в лесу на веревке! Твои родители сходят с ума! Четыре жизни разрушены и все из-за твоей слепой любви!

Я сорвалась на крик, сама не понимая, что происходит. Мне всегда абсолютно все равно, что будет с моими подопечными. Это их истории, а не мои. Не мне их учить. Но глядя, как убивается Оксанина мама, как пытается держать себя ее папа, и как плачет ее сестра, мне стало так холодно. Вспомнив Оксанино несчастное тело, которое могут вообще никогда не найти, мне захотелось как следует встряхнуть ее.

– Неужели ты все еще его любишь? – бессильно просила я. Оксана повернулась ко мне и жалобно сказала.

– Не он меня убил. Он даже ничего об этом не знал. Он просто испугался, – и я тут же поняла, что мне больше нечего сказать.

Некоторые души никогда не умнеют. Вы скажите, все дело в доброте. Но я с вами не соглашусь. Все дело в глупости, которая толкает нас на безрассудные поступки, полностью приглушая наш инстинкт самосохранения.

Мы сидели тихо и наблюдали за происходящим. Когда отец вернулся, он крепко обнял маму и начал ее утешать, а она приникла к его плечу и начала рыдать еще сильнее. Мне не хотелось ничего говорить. Я почувствовала, что хочу, чтобы этот день побыстрее закончился.

– А что будет со мной потом? – спросила Оксана, развернувшись к окну.

Весь выпавший за день снег начал таять, превращаясь в грязную кашу. Волшебство этого дня закончилось, уступив место тяжелой реальности.

– Я уже говорила. Ты будешь свободна и можешь делать, что хочешь, – коротко ответила я, не глядя на нее.

– Ты больше не будешь мне помогать?

– Нет, – резко сказала я, – я же не нянька. Мы люди маленькие. Наша работа прийти, вытащить, научить, отпустить. Ничего сверх этого.

– И дальше жить своей жизнью, – с укором сказала Оксана, намекая на мою земную жизнь.

Я громко засмеялась, и она испуганно выпучила глаза, боясь, что нас могут услышать. Но в доме ничего не изменилось.

– Ты думаешь – это жизнь? – с горечью в голосе сказала я, – это существование. Механическое действие. Я просыпаюсь, хожу в универ и все такое. Но я не могу в полной мере наслаждаться жизнью, зная, что происходит вокруг. Увы, правило работа должна остаться на работе на нас не действу-

ет.

Я резко замолчала. Мне вдруг стало так тоскливо. Ведь действительно, с тех пор, как я стала смертью, моя жизнь потеряла все яркие краски. Даже когда на улице ярко светит солнце, и все окрашивается в яркие тона, мир для меня остается таким же хмурым, ведь я знаю, что происходит неподалеку. Хотела бы я все бросить и забыть? Безусловно. Могу ли я когда-либо это сделать? Я очень на это надеюсь.

Звонок в дверь заставил родителей Оксаны подскочить на месте. Папа быстро выбежал в коридор и открыл дверь. На пороге стояла полиция. Дальше началось то, что всегда происходит в таких случаях. Череду вопросов, обвинений, предположений. Кто-то что-то говорит, другие записывают. Кругом слезы, горе, тоска и неизвестность, такая гнетущая и вязкая, что в ней запросто можно задохнуться.

Оксана размеренно ходит по всей квартире, заглядывая в каждый уголок и предаваясь воспоминаниям. Ей очень тоскливо, что она так и не прожила все важные события ее жизни, яркие или не очень, и от этого ей становится так одиноко.

— Знаешь, я никогда особо не ценила свою жизнь, — с тоской призналась она, глядя на свои детские фотографии, — мне всегда казалось, что жизнь бесконечна.

— Все люди так думают, — усмехнулась я, — мы не умеем ценить момент и радоваться мелочам. Но это лишь наша природа.

— Да, — коротко согласилась она, — теперь я понимаю. Лю-

ди всегда куда-то спешат, несутся, не замечая ничего вокруг, делают катастрофы из незначительных вещей, а когда ты умираешь, ты жалеешь о каждой упущенной возможности. Ты знала, что за момент до смерти передо мной пронеслась вся жизнь?

Я отрицательно покачала головой. Это открытие меня удивило, хотя я думала, что знаю о смерти все.

– Я видела свою жизнь с самого рождения, все события, то, чего не помнила. И знаешь что, я так много о чем жалею, – Оксана на секунду замолчала, – ведь я все о нем знала. Просто надеялась, что он измениться. Мои родители встречаются со школьной скамьи, и я надеялась, что Саша будет моим единственным. Понимаешь? – она с надеждой посмотрела мне в глаза, а я молчаливо кивнула.

Конечно, я понимала. Ведь я точно такой же человек, как и она, и мне не чужды чувства.

– Ты не хочешь увидеть его? – спросила я с интересом.

Мне стало неимоверно любопытно, что же она решит.

– Думаю, что нет, – грустно прошептала она, – только не сейчас. Он же все знал. Он знал, что меня ждет, и струсил, бросил меня на растерзание. Этого я ему не прощу. Думаешь, убийц найдут?

– Если захотят. Но захотят ли? – слишком пессимистично ответила я.

Я видела множество подобных случаев, и все они заканчивались пустотой. Никто никого не искал, и была большая

удача, если тело удалось найти и придать земле.

– А правда, что я буду мучаться, пока меня не захоронят?

– Нет, это все байки. Если бы это было так, по миру ходили бы миллионы неуспокоенных душ, отравляя этот мир своим злом. Многие души не могут успокоиться и остаются в на этой стороне, пока причина их смерти жива. А некоторые и дольше. Многие мстят всем людям, а некоторые спасают живых.

– Почему ты меня не спасла? – с какой-то детской обидой в голосе спросила Оксана, – разве тебе не хотелось?

– Это пройденный этап, – вздохнула я, – я никого не могу спасти. Мне дают задание, и я выполняю. А о спасении – это к ангелам. Только я их никогда не видела, поэтому не знаю, существуют ли они.

– Понятно, – только и сказала она, глядя на то, как родители дают показания.

Шанежка все это время сидела рядом с нами и время от времени с любопытством поглядывала в нашу сторону. Наверное, она что-то понимала в нашем разговоре, об этом говорил блеск в ее маленьких коричневых глазках.

– Она ушла сегодня утром в колледж, – заикаясь, говорила мама, утирая слезы платком, – но там так и не появилась.

– Ее парень сказал, что она поехала за город снять дом. Но нам об этом ничего неизвестно, – отец Оксаны ерзал на месте, не в силах успокоиться, – вы же ее найдете? – с надеждой в голосе спросил он.

– Мы постараемся, – сухо ответил оперативник, записывая что-то на лист, – скажите, ваша дочь раньше уходила из дома?

– Нет! – чуть ли не закричала мама, – она домашняя девочка.

– А ее парень, Александр, он кто? – поинтересовался оперативник, внимательно разглядывая родителей.

Время тянулось неимоверно долго, и под утро допрос был уже окончен, и все это время Оксанины родители вздрагивали от каждого шороха, думая, что их дочь наконец вернулась.

– Я хочу прогуляться, – наконец нарушив тишину, сказала Оксана, – мне нужен свежий воздух.

Я знала, что душам не нужен свежий воздух, но я понимала, о чем она.

– Когда наша связь прекратиться, ты сможешь сама перемещаться, куда хочешь, – сказала я, взяв ее за руку и переместив на пустынную улицу.

Небо было приятного темного цвета, а маленькие звезды все еще кое-где поблескивали в его синеве. Она шла по пустынной дороге в развивающемся плаще, словно всадник смерти, предвещающий что-то недоброе.

– Я останусь совсем одна? – грустно спросила Оксана, не поворачиваясь, пока я молча шла позади и смотрела ей в след.

– Да, – коротко ответила я, почувствовав, как эти слова

ранили юную душу словно бритвой.

– Даже после смерти человек одинок, – с долей иронии сказала она.

– Мы рождаемся одни и умираем одни. Таковы законы. Но может там, за горизонтом, в мире таких же душ, ты найдешь себе родственные, – попыталась утешить я, и она замерла на месте.

– Сколько еще я буду здесь?

– Чуть больше месяца. Душа должна пройти полный круг смерти. Сначала девять дней с момента смерти, потом еще тридцать один, затем полная свобода.

– Сорок дней, чтобы почувствовать свое полное одиночество и беспомощность?

– Или сорок дней, чтобы извлечь урок из своей жизни и спокойно перейти в новую. Смотря как на это посмотреть, – я сделала паузу, – хотя, знаешь... – я догнала Оксану и посмотрела ей в глаза, – я согласна, правила идиотские.

И мы весело засмеялись, словно подружки. Ночь была тиха, но кое-где уже начали ездить редкие машины, нарушая тишину.

– А что делает твое тело без тебя? – с любопытством спросила она.

– Спит, – с тоской сказала я, – просто валяется на кровати.

– Это грустно, – она сделала паузу, – тебе обязательно проводить со мной весь день?

– Нет. Я могу уйти тогда, когда ты будешь готова. Просто

срок сутки, – я не поняла, к чему она клонит, но, когда Оксана остановилась, от выражения ее лица мне стало не по себе.

– Я готова. Отпусти меня. Я хочу хоть что-то сделать правильно. Пусть хоть кто-то проснется сегодня утром и начнет свой живой день.

Она сказала это с таким теплом и заботой, что я растерялась. Впервые в жизни я не знала, что мне делать и как реагировать.

– Ты уверена? – с сомнением спросила я.

– Да, – улыбнулась она, – делай свою работу. Смерть.

Последнее слово она произнесла как-то с насмешкой, словно сомневаясь в том, что я действительно та, кто пришел по ее душу.

Я подошла к ней ближе, осторожно взяла капюшон и надела на голову.

– Мы еще встретимся? – с надеждой спросила она.

– Я не знаю, – призналась я, – да и нужно ли?

Оксана вымученно улыбнулась и закрыла глаза. Я осторожно подошла и просунула руки под капюшон, аккуратно взявшись за ее голову. Приблизив ее к себе, я еле-еле поцеловала девушку в лоб. Поцелуй смерти. Тот самый, который отпускает душу в свободное плавание.

Оксана почувствовала, как плачет. Вся ее жизнь пронеслась перед глазами вновь. Вся, до самого конца. И, почувствовав холодный поцелуй на лбу, она поняла, что свободна.

– Спасибо, – тихо прошептала она и растворилась.

Красный плащ упал на пол. Я подняла голову вверх и ощутила, как же я устала. Как вся тяжесть предыдущего дня разом свалились на меня, а желание выспаться долбило во все колокола. Я взглянула в сторону рассвета, но до него еще было много времени.

– Отлично, – пробубнила я, – еще будет время выспаться.

Подобрав с пола плащ, я накинула его на себя и тут же исчезла, почувствовав, как я со всей скорости, словно врезаюсь в свое тело. Боль пронзила меня.

Никто не рождается без боли. Даже если еще не умирал.

Я медленно открыла глаза, ощутив, как сильно болят мои тяжелые веки. Все тело онемело, я едва ли могла пошевелиться. Стараясь дышать как можно спокойнее, я ждала, пока тело привыкнет к моей душе и поймет, что оно еще живо. Я чувствовала, как сантиметр за сантиметром мышцы в теле растягиваются и получают свою долгожданную эластичность. По всему телу забегали неприятные мурашки, как те, что появляются, когда ты отлежишь руку или ногу. Но тут ощущения в несколько раз ярче, поэтому я могу с уверенностью сказать, что это самое болезненное, что можно испытывать.

Я неотрывно смотрела в окно, лишь изредка моргая. Наблюдая за снежинками, я молилась, чтобы у меня было достаточно времени, чтобы выспаться и принять ванну. Конеч-

но, после работы я могла как следует отдохнуть, но каждый раз, возвращаясь домой, я старалась убежать как можно скорее, чтобы почувствовать себя частью этого мира.

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мне удалось подняться и твердо сесть на кровати. Чувствовала я себя живым мертвецом с еле функционирующим телом. Когда оно наконец полностью привыкло к моей душе, я поднялась и осторожно, без резких движений пошла в ванну, не включая свет.

Рядом с раковиной стояла стиральная машина, на которой я предусмотрительно держала ночник, ведь от яркого света я бы точно ослепла. Заткнув ванну, я начала набирать горячую воду. Я не любила еле теплое, такая вода никогда не смывает грязь, которую я ощущала на своем теле. А ведь каждый раз, когда я возвращалась, я каждой клеткой ощущала себя запятнанной, нечистой. Это было отвратительное чувство, как будто меня хорошенько изваляли в чьих-то потрохах, и этот запах и нечистоты нужно было чем-то особенным.

Не дожидаясь, когда ванная наполнится доверху, я залезла и со всей силы начала скрести тело мочалкой. Она была очень жёсткая и оставляла на теле царапины. Но мне было все равно. Иногда я наскребала тело в кровь лишь бы почувствовать чистоту, но она все не приходила.

Я всегда задавалась вопросом. Может это наказание за мою работу? За те несчастья, что я приношу людям? Но разве это моя вина?

Как следует отмыв тело, я откинулась головой на край ванны и закрыла глаза. У меня была небольшая подушечка, которая хоть как-то смягчала твердую поверхность и позволяла мне уснуть.

Веки все еще болели, когда я постаралась закрыть их и отключиться, не думав ни о чем. Но мысли рядами приходили ко мне в голову словно в поликлинику по талонам, и я даже слышала, как они вступали в ссору, стараясь вытеснить друг друга.

Я проснулась от звонка будильника, который мне удалось в беспамятстве завести. Время было девять утра. Среда. Хорошо, что пары начинались в среду с двенадцати, и у меня было много времени, чтобы привести мысли в порядок и как следует воскреснуть. Вода уже была еле теплой, и как только я выбралась наружу, то почувствовала, как тело пробил озноб. Я включила горячий душ, чтобы хоть как-то согреться.

Закончив свои воскресительные процедуры, я вышла из ванной и снова ощутила себя живой, даже удалось сделать вдох полной грудью. На улице было солнечно, и через грязноватое стекло я увидела, как ожил город. Все куда-то неслись, жили жизнь. Все, кроме Оксаны.

Вспомнив о ней, мне вдруг тяжело. Обычно я не думаю о душах, но тут. Может вам не понять, но она проявила ко мне доброту, отпустив раньше времени. Обычно все мертвой хваткой вцепляются в меня, не желая оставаться наедине со

своим одиночеством. Все, кроме нее.

Надев теплые колготки со штанами, я решила скрасить слишком темные цвета ярким розовым свитером со свинкой посередине. Выглядела я смешно, но я была довольна. Смешно - зато душевно уютно. Расчесав волосы, я заправила их в капюшон куртки и повязала сверху шарф, чтобы не простыть. Хотя такие как я редко болеют, по крайней мере простудными заболеваниями.

Выйдя на улицу, я с радостью вдохнула морозный свежий воздух. Ощущения тела и души были совершенно разными. Душа все чувствует и понимает, но не может насладиться в полной мере, потому что все ее чувства должны стремиться к тишине и покою. Тело же наоборот. Оно вообще никуда не стремится, для него нет единичных правил, поэтому оно все ощущает ярче.

По дороге в кафе я встретила парочку ребят из университета, с которыми мы иногда ходим на общие лекции, и они радостно мне помахали, и я даже соизволила ответить. Странно, но сегодня мне хотелось в полной мере прожить этот день. Ведь я не знала, когда меня вызовут в следующий раз.

На самом деле нет какой-то системы. Может быть несколько раз в неделю, а может и раз в месяц. Наверное, ОНА набрала себе в штат много таких малышек как я. Молодых неопытных смертюшечек. Интересно, что будет, когда наш контракт закончится?

Дернув на себя полупрозрачную дверь любимой кофейни, меня встретил приветливый колокольный звон и улыбка бариста, который тут же указал мне на мой столик, оказавшийся по случайности свободным. Я приходила сюда каждый раз, когда могла. Тут все согревало, даже такую мерзлячку как я. Даже кофе тут был вкуснее.

Закинув вещи на стул, я сняла с себя верхнюю одежду и решила подойти к стойке, не дожидаясь, когда придут взять мой заказ. Как только я подошла и по привычке встала на носочки, хотя в этом не было необходимости, мое внимание привлекли листовки с надписью «Пропал человек».

– Когда их успели распечатать? – удивленно прошептала я, теребя в руке свежее-напечатанный лист.

– Только сегодня, – с улыбкой пояснил бариста, – когда я пришел, стопка уже лежала возле двери. Грустная история. Девочка пропала только вчера.

– Да, – коротко ответила я, разглядывая знакомое лицо.

Оксана была именно такой, какой я видела ее в кругу семьи. С добродушной улыбкой и блеском в глазах. Она была в каком-то голубеньком платье со шляпой на голове.

– Может поссорилась с родителями и сбежала? – предположил бариста, наливая мне привычный напиток.

– Вряд ли, – пробубнила я и, встряхнув головой, вернулась к реальности, – мне еще кашу, пожалуйста, круассан и какую-нибудь пироженку!

Я попыталась улыбнуться и сказать это как можно весе-

лее, но вышло криво. Он понимающее кивнул и указал мне на мое место. Я взяла лист с Оксаниным объявлением со стола и прошла к столику.

Силы заметно покинули меня, и когда я села на мягкий стул, от моего радужного настроения не осталось и следа. Я уставилась в окно, наблюдая, как солнце играет в волосах прохожих, проходящих мимо.

Все живет своей жизнью. Ни намека на несчастье. Иногда мне кажется, что природа убийственно к нам безразлична. Но, с другой стороны, разве ей должно быть до нас дело?

Интересно, когда найдут тело Оксаны? И найдут ли? Вдруг меня прошибло словно молнией. Я знаю, что моя работа закончилась, как только я отпустила тело, но разве есть инструкции, что мне делать после?

Я снова заметно оживилась, придумывая план действий. Я не особо понимала, где находится ее тело территориально, но приблизительно, я знала. Вытащив из сумки ручку, я нацарапала неровным подчерком адрес места, где нужно было ее найти.

– Вот и твой заказ! – радостно сообщил бариста, когда подошел ко мне с огромным подносом.

– Знаешь, мне срочно нужно идти. Я потом поем. Или съешь за меня, хорошо? – я выхватила у него кофе и, юркнув в верхнюю одежду, помчалась к выходу, оставив парня в полном недоумении.

Я не знала, что мне за это будет. Но попробовать стоило.

Я прибежала в библиотеку. Сердце билось так сильно, что вот-вот должно было выпрыгнуть из груди. Поздоровавшись с вахтершей, я оставила ей свои вещи и помчалась наверх. Остановившись возле архива, я почувствовала сомнения. Но улыбающееся лицо на безжизненном листе бумаги вернуло мне решимость.

– Я хочу, чтобы ее тело нашли! – не поздоровавшись, крикнула я.

В архиве, как всегда, никого не было, но я знала, что он здесь.

– Я сделала свою работу и хочу за нее плату. Я хочу, чтобы ее тело нашли! - упрямо повторила я в пустоту.

Раздался режущий скрип в двери, и тяжелые шаркающие шаги направлялись в мою сторону.

– С чего ты взяла, что тебе полагается оплата? Ты получила ее, оставшись в живых, – скупой голос, выговаривающий каждую букву, наконец явил мне своего владельца.

– Она достойна того, чтобы ее похоронили, – не унималась я.

– Девочка моя, - с улыбкой начал библиотекарь, – в мире миллиарды людей, и ты думаешь, кто-то из них не достоин?

– Мне плевать на других, но я хочу, чтобы нашли ее! – я тяжело дышала и чувствовала, как горит мое лицо.

Библиотекарь рассматривал меня с нескрываемым интересом и любопытством. Его седые брови ходили вверх-вниз на морщинистом лбу. Он явно обдумывал мои слова. Про-

тянув руку в мою сторону, по одному его взгляду я поняла, что ему было нужно. Я тут же отдала ему листовку.

– Там сзади адрес ее местоположения. Это нужно передать полиции, но я не знаю, как это сделать незамеченной.

– И ты пришла ко мне? – удивился он.

– Ну, вы же мой куратор. К кому мне еще идти? – я сверлила его взглядом, ненавидя за нерасторопность, – разве нам запрещается помогать?

– Хм, – промычал он задумчиво, – мы не можем вмешиваться в жизнь подопечного. Но тут подопечного уже нет. Я узнаю, можно ли что-то сделать, – тихо произнёс он, неотрывная взгляда от Оксаны, – и это мне не нужно. Мы прекрасно знаем, где она, – он протянул мне листовку.

Я пробубнила слова благодарности, и обессиленная поплелась к выходу, почувствовав, словно я выиграла какую-то великую войну.

– Евгения! – раздался за спиной глухой голос, – почему именно она?

Я повернулась в пол оборота и пожала плечами.

– Может потому, – я сделала паузу, – что она все еще осталась человеком.

Не дожидаясь комментариев, я спокойно вышла в коридор и аккуратно прикрыла за собой дверь.

Дни тянулись своим неспешным чередом, перелистывая страницу за страницей. И каждый момент непрерывной тишины моего телефона бил мне по нервам хуже кувалды.

Каждое сообщение, приходящее от кого-угодно, вызывало у меня дрожь в коленках, и чтобы как-то унять стресс, я перелистывала группы поиска, чтобы найти информацию о том, как проходят поиски Оксаны.

Через пару дней на сайте поисково-спасательной группы всплыло объявление: Найдена. Мертва. И куча сообщений со словами соболезнований. Я знала, как сложно сейчас ее родителям, но я так же понимала, что найти тело намного лучше бесконечного ожидания и пустой надежды, которая вопреки всеобщему представлению, нисколько не улучшает жизнь.

Когда Оксану нашли, я была так рада, как будто я сделала какое-то важное дело не только для нее, но и для себя самой. Мне стало невероятно тепло. Многолетняя мерзлота на секунду растаяла, чтобы вновь накрыть с новой силой в тот самый день, когда я встретила его.

Я спокойно сидела в своей любимой кофейне, когда дверь отворилась, и я уловила на себя тяжелый взгляд. Я всегда физически ощущала, когда он на меня смотрел, даже если его не было поблизости. Артур. Он был моим парнем, который не просто разбил мне сердце, а бросал меня каждый раз в ожидании его возвращения.

– Привет! – его приятный голос вызвал у меня волну страха, – знал, что ты здесь. Не изменяешь себе.

Я подняла на него испуганный взгляд, но тут же взяла себя в руки и, сжав кулаки под столом, вздернула подбородок.

– Как дела? – не дождавшись приветствия, спросил он и сел напротив.

Он был достаточно высокого роста, на две головы выше меня, очень худой, я бы сказала болезненно худой. У него были большие карие глаза и широкие брови, а кожа была настолько бледной и идеальной, что меня порой казалось, что он вышел из какого-то фильма.

– Что тебе нужно? – отчужденно сказала я, скрывая в себе бурю эмоций.

– Просто решил поздороваться, – улыбнулся он.

– Поздоровался? До свидания, – грубо сказала я, махнув ему рукой словно на прощание и уткнувшись в свои записи.

Он ничего не ответил, просто молча встал, подошел к бариста, взял свой кофе и сел обратно, пристально глядя на меня, пока я всеми силами старалась его игнорировать.

Артур был на год старше меня и учился на третьем курсе. Он был очень странным, у него практически не было хобби, он ничего не читал, но при этом ему удавалось рассказывать о скучных вещах так, что я слушала его с изумлением. Он мог часами сидеть за учебниками и изучать то, что ему нравится.

Многие посчитают это усердием, а я считаю, что это помешательство. Он мог сутками не есть, перелистывая страницу за страницей, и не спать, убивая инстинкты очередной чашкой кофе.

Мы встречались около года. Наши отношения переросли

из дружеских в романтические, и я не успела оглянуться, как мы начали проводить все свободное время вместе. Иногда я просыпалась посреди ночи и видела, как он все еще сидит за тетрадами, изучая тему за темой. Тогда мне казалось это милым.

Казалось. До тех пор, пока он не начал пропадать. Сначала он начал игнорировать мои сообщения, и я сидела днями, не зная, что и думать. Затем он перестал даже здороваться со мной, избегая любых контактов, но, когда ему было нужно, он появлялся, как ни в чем не бывало, и вел себя как любящий человек, пока ему снова не нужно было исчезнуть, и он уходил не попрощавшись.

Я не находила себе места, и жизнь тогда казалась еще хуже, чем она есть на самом деле. После таких эмоциональных качелей, я уже пришла в себя, как вдруг он так же беззаботно подошел ко мне с какой-то девушкой и сказал, что это его девушка.

Ее звали Кристина. Она была маленькой миниатюрную брюнеткой с большими синими глазами, маленьким курносиком и длинными вьющимися волосами. Она приветливо улыбнулась мне, а я не знала, что мне сказать.

Мне было так больно. Я почувствовала, словно мне в сердце воткнули огромный тесак и повернули в плоти по часовой стрелке. Я не решалась ничего спросить, но в тот момент мое сердце превратилось в лед, который мне так и не удалось растопить.

Я точно не помню всех подробностей, но я помню, как вылила на него стакан воды и молча удалилась, не реагируя на ругань в свой адрес. С тех пор я стараюсь избегать его любой ценой.

Он все так же встречается с ней, но периодически пишет мне какие-то сообщения, на которые я никогда не отвечаю.

– Думаю, твоей девушке было бы не совсем приятно узнать, что ты пялишься уже несколько минут на другую, – твердо сказала я, делая записи в тетради.

– Она ничего не узнает, – спокойно и уверенно сказал он, и я уловила, как он улыбается, – я соскучился по тебе.

– Прекрасно, – я подняла голову и закатила глаза, – соскучился? Серьезно? Тебе нужно лечиться! – я выплевывала слово за словом с такой злостью, что у меня свело губы, – вали к своей девушке и оставь меня в покое.

Он лишь задорно разулыбался и сделал очередной глоток. Тут меня снова прошиб холод. Я почувствовала, как немеют мои руки, а в теле растет страх. Телефон издал резкий короткий звук, и я онемевшими пальцами потянулась к нему. Но, не успев взять раздражающий аппарат, его выдернули у меня прямо из-под рук.

– Давай посмотрим, кто тебе надписывает. Просьба явиться в библиотеку и вернуть книги, – задорным голосом зачитал он, – ты у нас задолжница?

– Не твое дело! – психанула я и резко встала, чуть не опрокинув стул.

Вывхватив у него телефон, я другой рукой взяла свои вещи и направилась к выходу, на ходу забираясь в куртку.

– Приятно было повидаться! – издевательски прокричал он в след.

– Не переживай, – прозвучал тихий голос рядом со мной, – я его больше сюда не пущу.

Я была признательна Жене за его заботу и, едва слышно сказав спасибо, вышла на улицу.

Несмотря на неприятные ощущения и дрожь по всему телу, я была благодарна этому сообщению, которое избавило меня от неприятной компании.

Как только я выскочила наружу, даже ярость, протекающая по моим венам, не могла меня согреть. Мне было мерзко от одного взгляда на Артура. И я очень хотела, чтобы он оставил меня в покое. Каждый раз, когда я невольно натыкалась на него, он всеми силами пытался показать, насколько влюблен в свою девушку и насколько я ему была безразлична.

Какая ирония, я смерть, которая забирает души, но даже мне нельзя избежать душевной боли от бесполезной любовной драмы, которая не будет иметь для меня никакого значения через пару лет. По крайней мере я на это надеюсь.

День был очень солнечный, что было весьма необычно для этого региона, и я знала, что мне вновь придется выпасть из мира на несколько дней, хотя за эту неделю я уже вошла в ритм.

Сегодня был уже вторник, девятое ноября. Об этом мне прокричал огромный экран в холле библиотеки. Скоро праздники, которые никогда не приносили мне ничего хорошего.

Я быстро поднялась на свой этаж и как обычно застыла напротив. Думаете, всегда ли мне страшно? Нет. Иногда меня переполняет азарт, и я пытаюсь угадать, что попадется мне в этот раз. Есть ли у меня предпочтения? Наверное, любой ответ звучал бы страшно, ведь если бы я сказала, что да, то я бы была похожа на озабоченного маньяка. Но да, есть. Те, кто заслужили своей смерти, так мне не так больно наблюдать, как этот человек покидает мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.